

СЕРГЕЙ ЧЕХИН

Эльфовладелец

Сергей Чехин
Эльфовладелец

«Издательские решения»

Чехин С.

Эльфовладелец / С. Чехин — «Издательские решения»,

На Земле ты никто. Обыватель, один из множества. Но однажды ты просыпаешься в теле крупного рабовладельца. Казалось бы — вот она, настоящая жизнь! Вкушай плоды чужого труда и не ведай бед. Но ты попал не просто так. Тебе нужно исправить кое-что важное, а новое тело смертельно больно. Справишься — вернешься домой. Оплошаешь — умрешь в чужом мире. Время пошло.

© Чехин С.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	14
3	19
4	27
5	34
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эльфовладелец Сергей Чехин

© Сергей Чехин, 2015

на обложке Морено Карбонеро Хосе «El Príncipe de Viana»

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Что этот ушастый себе позволяет?

1

Знаете, какую фразу я слышу чаще всего? К сожалению. К сожалению, вы нам не подходите. К сожалению, все места уже заняты. К сожалению, вам нечем выплачивать кредит. К сожалению, мы не можем опубликовать вашу рукопись.

Вся моя жизнь – одно сплошное «к сожалению». Но однажды все круто поменялось.

Я, Семенов Андрей Николаевич, двадцать пять лет, не женат, не работаю. Родился и учился в Белгороде (да тут, скорее всего, и помру). По настоянию родителей закончил экономический. Одно время неплохо зарабатывал и даже намечался карьерный рост, как вдруг грянул кризис.

Попал под сокращение, взятую в кредит квартиру отобрали. Пришлось шабашить где только можно. О личной жизни в таких условиях можно и не говорить. С одной стороны и жаловаться грех – сейчас так большинство живет. А с другой – какого б хрена и не пожаловаться?! Глядишь и легче станет. Но история моя не о том.

В один ничем не примечательный вечер я как обычно лег спать на голодный желудок в грязной каморке коммунальной квартиры. А проснулся на роскошной перине, под пушистым белым одеялом, в залитой светом комнате.

Да нет, не комнате. Комнатище! Она была куда больше, чем вся коммуналка. Два окна почти на всю стену, огромный портрет какого-то дядьки напротив кровати, комод из красного дерева в углу, резная тумбочка под правой рукой.

Первая мысль – меня похитили. Знаю множество историй, когда ушлые жильцы избавлялись от соседа ради жилплощади. Но тогда, по идее, я должен очнуться в лесу в пластиковом пакете – и то как минимум. После такого как правило уже не очнешься при всем желании. А тут, получается, меня переселили в такие-то хоромы ради сраной каморки?

Не верю!

Я попытался встать, но не смог. Не удержал равновесия и уперся руками во что-то мягкое. Откинул одеяло – мама дорогая! Девушка!

Блондинка с точеной фигурой в кружевной ночной рубашке. Тихо посапывает, положив голову на предплечье. Из-за растрепавшихся кудрявых волос совсем не видно лица. Но что-то подсказывает – она явно не дурнушка. Кого попало в такие хоромы не водят.

Переворачиваюсь на другой бок – а там еще одна девчонка! Совсем нагая, рыжие локоны чуть ниже ушей. Красивые острые грудки поднимаются и опадают в такт дыханию.

Во попал!

Осторожно, чтобы не разбудить красавиц, я сполз с кровати. Надо убираться из странного места как можно скорее. Все это добро наверняка принадлежит какому-нибудь мафиози, и он точно приберет меня, если застукает в собственной спальне.

Ох, знать бы, кто подложил сюда мою спящую тушку...

Кстати о тушке. Какого черта у меня такое пузо! И маленькие кривые ножки. Что за чертовщина, мать ее! Я худой и высокий, а это тело какого-то жирного карлика. Так, срочно отыскать зеркало.

И тут стук в дверь. Он прозвучал словно раскат грома. От ужаса я едва не грохнулся в обморок. Оклемавшись от шока, хотел выпрыгнуть в окно. И бежать, бежать, бежать сломя голову, куда хватит сил. Но особняк наверняка охраняют. Вдруг у этого криминального авторитета тут снайперы на вышках? Замочат же сразу, и до забора добраться не успею!

Надо затаиться. Раз постучались и не вошли – значит прислуга. Если промолчать, она свалит восвояси.

– Господин! – раздался снаружи певучий низкий голос. – Вы готовы принимать лекарство?

Я мотнул головой. Готов поклясться чем угодно, но сперва эти слова показались мне чем-то вроде: «бла-бла-бла курлык-курлык». То есть, я вообще не понял, о чем говорят. С тем же успехом со мной могли говорить по-китайски.

Но затем из глубин памяти что-то всплыло, отдав болью в затылке. И вот уже я прекрасно понимаю смысл сказанного, хотя язык по-прежнему кажется странным, незнакомым. Да что тут происходит, бляха-муха?

– Господин! – вновь донеслось из-за двери. – Вы спите? Нарушать режим нельзя, так лекарь сказал. Я вхожу.

Я машинально взмахнул рукой, будто защищаясь от невидимого удара. Тяжелая дубовая дверь скрипнула, на пороге показался высокий тип с длинными светлыми волосами. Честно – я не специалист по мужской красоте, но тот мужик был феерическим красавцем. Словно сошел с обложки глянцевого журнала, где рекламировал дорогуший костюм или элитные часы. Мне никогда прежде не доводилось видеть людей со столь совершенными чертами. Незнакомец походил на выточенную лазером скульптуру, но никак не на творение грешной природы. И это была не педиковатая слащавая красота, а нечто... неестественное для моего восприятия.

Одето это чудо было в коричневые брюки, белую сорочку и вязаную черную жилетку. Шею украшало некое подобие галстука зеленого цвета. В левой руке с изяществом заправского официанта мужик держал небольшой серебряный поднос. На нем стояли темный пузырек и хрустальная стопочка.

Мысли бешено металась в голове. Выпрыгнуть в окно или подождать? А может мертвым притвориться? Или напасть на этот парня. Он высок, но сухопар и узок в плечах – авось получится ему навалить.

А если у него ствол?

Пока я судорожно размышлял, человек спокойно подошел к постели и поставил ношу на тумбочку. Затем коротко бросил что-то на незнакомом языке – будто пролаял. Девчонки вмиг выскочили из-под одеяла и убежали в коридор.

– Господин, – мужик явно обращался ко мне. – С вами все в порядке?

– Провалы в памяти, – ляпнул я первое, что пришло на ум.

Человек покачал головой.

– Болезнь развивается. Выпейте, будьте добры.

Он налил стопарик густой зеленой жижи и протянул мне. Даже с такого расстояния я чувствовал ядреный мятный запах. Черт, придется пить, а то подумает чего. И чем я, блин, болен? Кроме простуды никогда ничем не болел, да и той крайне редко.

А, будь что будет. Залил жижу в рот и разом проглотил. На вкус как сироп от кашля. Надеюсь, я не превращусь в козленочка или кого похуже. Но вместо этого мне срочно понадобилось справить малую нужду. А где здесь туалет? Если спрошу – вызову подозрения.

Хотя стоп. Если этот тип считает меня хозяином, то я могу ему просто приказать!

– Отведи меня в туалет...

Я сделал паузу. Слуга понял ее правильно.

– Ромэль. Меня зовут Ромэль, господин. Следуйте за мной.

Так, одной проблемой меньше. Возможно, удастся смыться через окно в сортире, если оно там, конечно, есть. А с другой стороны... По идее, все это добро принадлежит мне. Но каким нахрен образом? Как так получилось-то? Пожалуй, стоит во всем разобраться. Может и бежать никуда не придется.

Мы вышли из комнаты и оказались в просторном ярко освещенном коридоре. Свет шел из овальных оконцев в потолке. На полу лежал ворсистый ковер темно-красного цвета. На дощатых стенах висели картины с какими-то пейзажами.

Мы миновали несколько дверей, и Ромэль остановился у последней. Учтиво поклонился и указал рукой – нужник, мол, вот тут. Я кивнул в ответ и скрылся за дверью.

Да уж, не туалет, а тронный зал. Посреди на мраморном возвышении стоит золотой унитаз. Возможно, просто позолота, но выглядит впечатляюще. Как там в песне пелось: стоит сверкая, отражая солнца свет. Вот словно про этот нужник сочиняли.

Из бачка с огромным сливным рычагом выходит медная труба и скрывается в потолке. Здесь, блин, что, никогда не слышали о нормальной сантехнике? Или хозяин ярый фанат старины?

Впрочем, какая мне разница, куда ссать. Кое-как пристроился к унитазу, задрал длинную рубаху и оцепенел. Нет, в ступор меня ввел вовсе не размер пуза (большущего и жирного) или мужского достоинства (в данном случае – недостатка). А клочок бумаги, приклеенный к шерсти на животе.

Позабыв о нужде, я сорвал листок, развернул и прочитал следующее:

Это необходимо исправить. Время ограничено.

Надеемся на Ваше понимание и содействие.

Г. П.

Похоже, записку отпечатали на машинке. Уж точно не на принтере. И что еще за Г. П., бляха-муха? Гарри Поттер? Уж ему точно по силам замутить весь этот ад. И что исправлять надо? И почему время ограничено? Дерьмо какое-то.

Я смял записку, выкинул в нужник и смыл. Так, на всякий случай. Чутье подсказало, что остальным видеть листок вовсе ни к чему.

Справив нужду, я повернулся к двери, тихо вскрикнул, замахал руками и растянулся на полу. Хорошо хоть и в сортир постелили мягкий коврик. Перед дверью стоял незнакомый толстый тип с бородкой и зачесанными назад каштановыми волосами.

Стоило мне вскрикнуть и упасть, как жирный карлик исчез. Наверное, тоже испугался и убежал.

Подождите-ка... Я поднялся и хлопнул себя по лбу. Голова отозвалась непривычной тупой болью. Да это же зеркало, чтоб его! Но... Господи, какого хера я так выгляжу?!

Куда подевался высокий стройный парень?! Что за урод передо мной? Вернее, почему я стал таким уродом? Такое впечатление, что меня...

Я аж задохнулся от внезапно нахлынувшей догадки.

...Переселили в чужое тело.

С некой целью, которую нужно достигнуть за ограниченное время. Да уж, попал так попал.

Ладно, соберись, тряпка. По крайней мере, я не застряну тут навсегда. Буду считать этот попадос небольшой шабашкой. Сделаю работу (может господин Г. П. еще и денюжат подкинет) и свалю домой. Но для начала надо понять, с кем (а точнее – в ком) мне предстоит решать поставленную задачу.

Я подошел к зеркалу. Да уж, красавец тот еще. На вид новому мне лет тридцать, но, скорее всего, меньше. Просто рожа опухла из-за частых возлияний. Обидно, блин – раньше я ничего крепче пива никогда не пил. А тут засунули в шкуру какого-то алкаша. И болен он явно не циррозом печени – та тихо ноет, но особых проблем не доставляет.

А вот голова... В черепушке, видимо, и кроется смертельная зараза. Рак? Или некая местная мозговая хворь? Все возможно. Но пока что мне это на руку. Могу прикидываться склеротиком и не вызывать подозрений. Осталось понять, где я, блин, нахожусь. Что это за место и... я бросил взгляд на странный унитаз... время.

– Господин? – донеслось из коридора. – Я слышал шум – вы не упали?

– Да что-то вот поскользнулся... Уже выхожу, все в порядке.

Ромэль предложил руку, но я отказался. И сам дойду, не облезу. Слуга кивнул и заправил прядь волос за ухо. За длинное острое ухо. Сердце пропустило удар, а затем прыгнуло с разбега. Я едва не упал – благо уперся спиной в стену. Ах ты леголос хренов!

– Господин! – Ромэль подбежал ко мне и помог выпрямиться.

– Да нормально все, не волнуйся. Полежу немножко и пройдет, – буркнул я, а у самого голова трещала от водоворота мыслей.

Эльф, мать его, эльф! Вот чем объясняется неестественная красота и слишком правильные черты лица. Он не человек! Вот бы рассказать все толчкам с форума – они бы свои деревянные мечи от зависти сгрызли. С ума сойти! Я что, в Средневековье попал? Тьфу, в Средине?! Но разве там есть канализация? Книжки не читал, но в фильмах вроде не было. Хотя, эльфы есть не только у Толкина. Их во всем фэнтези как говна в хлеву.

Надеюсь, я попал не в сраный фанфик прыщавого школьника, а в более серьезный мир.

С этими тяжелыми думами я добрался до кровати и завалился на перину. Ромэль остался на пороге.

– Чем будете завтракать, господин?

– А что есть?

– Мармезо, фитоляд, карупа и немного кашу.

Я замотал головой. Что за мерзкая жратва – от одних названий подташнивает. Тем более, кто знает, что намешано в этих блюдах. Вдруг мармезо – это жареные куриные какашки? А что, всякие гурманы жрут же гнилое мясо и ласточкины гнезда.

– Сделайте яичницу и травяного чаю.

– Принести сюда или спуститесь в трапезную?

– Сюда.

Пока что шастать по дому не хотелось. Сперва соберу побольше инфы, чтобы не выглядеть в глазах прислуги полным дундуком. А то подумают еще, что в меня бес вселился и сдадут инквизиторам. С них станется.

Я встал с кровати и подошел к окну. До самого горизонта тянулось залитое водой поле. Очень похожее на то, где выращивают рис. Только вместо риса из глубоких грядок торчали какие-то мясистые светло-зеленые стебли. На них росли крупные – с кулак – плоды, напоминающие фиолетовую клубнику в темную полоску.

В поле работали эльфы – в основном женщины. Подвязывали, пропальывали, таскали ведра с серым порошком – наверное, удобряли. На крестьянах независимо от пола были лишь грязные набедренные повязки. На загорелых спинах и грудях виднелись длинные белые шрамы. Плетьюми тут стегали неслабо.

Блин, что же исправить-то надо? Может, избавить этот волшебный мир от рабства? Освободить ушастый народ? Для начала неплохо бы узнать, как он вообще попал в такую передрыгу. Я читал довольно много фэнтези, но не припомню ни одной книжки, где эльфы прислуживали людям. Как-то тут все не канонично. Это и есть моя задача? Млять, опять башка разболелась. Стоит меньше думать и больше спрашивать.

В дверь постучались.

– Войдите, – устало бросил я.

Вошла эльфийка с подносом. В изящном легком платье зеленого цвета. С корсажем, подчеркивающим красивую крупную грудь. Я всегда считал, что эльфы бывают только блондинами или рыжими, но волосы этой служанки были темнее ночи. Девушка на цыпочках добралась до тумбочки, расставила посуду и замерла, потупив взор. Передвигалась она так, будто под ковер напихали мин. Кем бы ни был мой предшественник, бедняк он держал в ежовых рукавицах.

Я взглянул на тарелку и тихо проворчал:

– Блин, глазунья. Ненавижу глазунью...

Как оказалось, для уха эльфа мой шепот был громче крика. Девушка размахнулась и врезала себе по щеке. Затем по второй. После каждого удара она приговаривала:

– Простите, хозяин.

Признаться честно – я офигел. Бывало, посматривал порнушку с элементами BDSM, но на такую жесть мои интересы не распространялись. Пришлось немедленно остановить самобичевание.

– Все, хватит!

Эльфийка застыла с занесенной рукой. Словно собака по команде «замри». Ужас, блин.

– Вольно! Расслабься, эй!

Девушка спрятала руки за спиной.

– В следующий раз просто переворачивайте яйца и все. Нашла проблему. Как тебя зовут?

– Данэль.

– Это эльфийская традиция, добавлять ко всем именам «эль»?

– Эль означает раб, господин.

– Слушай, я историю в школе пропускал часто. Расскажи, как вы угодили в рабство?

– Была война, господин. Сто лет назад. Мы проиграли и теперь платим дань юношами и девушками на услужение людям.

– А из-за чего воевали?

– С каждым годом людей становится все больше. На равнинах и в горах вам уже тесно.

Вы решили забрать наш лес.

– То есть, войну начали мы?

Данэль кивнула.

– Ясненько. Ну что же, ты свободна.

– Желаете утренний м'эйкалиан перед завтраком?

Я решил не рисковать и отказался. Девушка развернулась как заправский военный на плацу и утопала в коридор. Так же на цыпочках, со сведенными за спиной руками. Блин, ну и порядки здесь.

Яичница оказалась странной на вкус, но вполне съедобной. Очевидно, яйца не куриные, но чьи? Оставалось надеяться, что их не снесло какое-нибудь разумное сказочное существо. Фея там или гном. Как-то не хотелось становиться каннибалом в первый «рабочий» день.

Запив завтрак терпким несладким чаем, я приступил к осмотру комнаты. В первую очередь меня интересовал комод. Во-первых, неплохо бы переодеться. Во-вторых, найденные предметы, возможно, подскажут время и место, куда мне довелось попасть.

Я вытащил верхний ящик и увидел аккуратно сложенные шмотки. Так, что тут у нас. Черный бархатный камзол, несколько накрахмаленных сорочек, длинные, до колен, носки... Кожаная шляпа с пером и сильно загнутыми полями. Бриджи с лампасами... Мода тут так себе, если честно. Ну да ладно, главное не выделяться.

Я надел свежую сорочку и бриджи, накинул сверху камзол. Застегивать не стал – дюже хитрые у него пуговицы, хоть и золотые. В общем, для дома и так сойдет. Еще бы на ноги что найти...

Вытащил второй ящик – кальсоны, панталоны, спальные колпаки. В общем, местное нижнее белье. В следующем ящике нашлись тапочки – кожаные, с красными меховыми помпонами. Жесть просто, в этом наряде я похож на клоуна. Стоит поработать над стилем, иначе я умру раньше времени – от стыда.

Так, что у нас в самом низу. Опа! Вот это действительно интересно.

Я достал широкую коробку, похожую на те, где хранят шахматы. Обтянутую кожей, с золотым тиснением по краям. Что же у нас внутри...

Я аж присвистнул. В специальном углублении покоился длинновольный пистолет с лакированной костяной рукояткой. Рядом лежали патроны-маслята – всего десять штук. Вме-

сто гильз круглые пули были инкрустированы в ярко-сияющие голубые цилиндрики. Провел по ним пальцем – гладкие и очень холодные. Какие-то волшебные кристаллы? Вполне вероятно. Но этот пистолет однозначно не пороховой.

Взял оружие, покрутил в руке, стараясь не наводить на себя. Хрен знает, как он работает. Вот спусковой крючок – на своем положенном месте. А курка нет. Под большим пальцем непонятный рычажок – толи предохранитель, толи еще что-то. На всякий случай отвернулся и нажал на него. Ствол с тихим хрустом надломился, продемонстрировав мне казенник. Ага, вот значит как ты заряжаешься, приятель.

Я не стал заряжать пистолет и уж тем более испытывать. Как-нибудь потом поиграюсь, сейчас и без того дел вагон.

Приступил к осмотру тумбочки. Внутри нашлись письменные принадлежности: серебряная гравированная чернильница и золотое перо на костяном стиле. Чернила засохли – значит, хозяин поместья давненько ничего не писал.

Еще я нашел толстую пыльную книжку и связку монет, сперва принятых за украшение. Монетки здесь ходили небольшие, тонюсенькие и с дырочками в центре. Никакой чеканки не было – просто гладкие пластинки. На шнурке висели пять золотых и десять серебряных монеток. Надеюсь, это не последние сбережения рабовладельца, а просто забытая мелочь.

Хм, рабовладельца... Скорее уж эльфовладельца.

Книга, кстати, оказалась бухгалтерской. На пожелтевших листах виднелись заметки о том, сколько ящиков слюлы было отгружено и по какой цене. Отлично прослеживалось снижение цены на оную слюлу, а вот урожай, наоборот, рос с каждым годом. В общем, дела у хозяина шли весьма шатко.

Вдруг меня осенило. Вот же блин блинский – я же экономист по образованию. А что если настоящий хозяин заказал у некоего Г. П. управленца из иного мира? Чтобы он спас плантацию от банкротства... А сам в это время в другом теле (не факт, что не в моем) прохлаждается на каком-нибудь лазурном берегу и в ус не дует. Хрень собачья, но ведь очень похожа на правду.

Ладно, как говорят следаки – будем отрабатывать эту версию. Для начала неплохо бы узнать, что такое слюла и с чем ее едят. Если, конечно, вообще едят. Настало время прогуляться на плантацию.

Сперва хотел позвать Ромэля, но передумал. В конце концов, это мой дом, и я могу шастать по нему как заблагорассудится. Кому какое дело, что вместо туалета я попал в библиотеку, а вместе кухни – в подвал. Осматриваю свои владения и точка.

Немного левее двери в спальню начиналась лестница на первый этаж. Два пролета, резная балюстрада, натертые воском перила. На стенах привычные пейзажи – очевидно, хозяин любит живопись. Или сам рисует – почему бы и нет? Художники бывают очень даже злыми. Взять хотя бы одного усатого, австрийского.

Ступени устилал темно-красный ковер. Чистый и мягкий – босые ступни утопали в ворсе, а не в мусоре. Скоро стало ясно, кто следит за чистотой. На пролете стояла рыжая эльфийка – кажется, это она грела меня ночью. Невольница смахивала сор мокрым веником. На ней было такое же зеленое платье с корсажем, как и на Данэль. Наверное, это такая униформа для прислуги.

Услышав шаги, эльфийка выпрямилась и отпрыгнула к стене. Локоны упали на лицо, руки спрятались за спиной. Казалось, девчушка и не дышит вовсе. Я подошел к ней и сказал:

– Доброе утро.

Эльфийка как-то странно мотнула головой. Будто услышала эти слова впервые из моих уст. Что же, очень даже может быть.

– Добро утро, хозяин, – едва слышно ответила она.

– Как тебя зовут? – я решил, что этот вопрос не вызовет подозрений. Хозяин не обязан знать всех рабов поименно.

– Триэль.

– Ты разговариваешь со мной или с ковром? – с напускной сердитостью уточнил я.

Триэль подняла голову. Узкое милое личико, вздернутый носик и слегка раскосые карие глаза. На переносице бледные крохотные веснушки. Но смотрела она все равно не на меня, а куда-то за спину.

– Ты хорошо справляешься с уборкой. Молодец.

– Спасибо, хозяин.

Я надеялся, что бедняжка обрадуется похвале, но она даже не улыбнулась. Видимо, необычное (пусть и доброе) поведение хозяина пугало ее сильнее наказаний. Оставив Триэль в покое, я спустился на первый этаж.

Мама дорогая, вот это хата. Прямо посреди широченного холла – круглый бассейн с золотыми поручнями. От него идет красная ковровая дорожка ко входу с застекленными раздвижными дверями. Снаружи, на высоких крыльцах маячит пара широкоплечих эльфов. На бедрах висят кожаные кобуры. Ясно – охранники.

Интересно, почему они просто не замочат неугодного рабовладельца? Ведь оружие есть, а я всего один. Вот вам еще одна загадочка. Как говорится, становится все интереснее и интереснее.

Одна стена рядом с бассейном занята длинным высоким шкафом. Пока что мне нет до него дела. Сначала прогуляюсь по особняку, а уж потом можно и на улицу. Напротив входа – три двери. Две закрыты, центральная нараспашку. Оттуда доносится шворчание, звон посуды и тихие певучие голоса. Ага, вот и наша кухня.

Сразу за дверью начинается просторное помещение с диванами у стен. Между ними – невысокие, до колен, длинные столики. Из посуды на них только вазочки с незнакомыми желтыми цветами и курительные трубки на резных подставках.

Здесь остро пахнет специями и жареным мясом. Одной яичницы моему жирному телу явно недостаточно: желудок урчит, слюнки текут рекой. Пожалуй, стоит перекусить перед прогулкой, раз уж зашел.

Я вошел на кухню. В углах – две каменные печи. Есть открытый огонь, есть духовка, даже для коптильни место нашлось. Посреди комнаты – широкий стол, рядом – спуск в подвал. Холодильников тут, очевидно, еще не изобрели, так что приходится хранить продукты по старинке.

На кухне трудятся три эльфийки. Одну я узнал – блондиночка, соседка рыженькой по кровати. Вторая – русая, с большущими голубыми глазами и строгим лицом. Третья – совсем еще юная брюнетка с собранными в хвостик волосами. Все трое носят зеленые платья, а поверх – забрызганные маслом фартуки.

Поварихи заметили меня не сразу. Голубоглазая нарезала разноцветные овощи, которых мне не доводилось видеть прежде. Один, правда, походил на морковь, только белого цвета. Эльфийка мастерски управлялась с ножом, овощи почти мгновенно превращались в мелко нашинкованную стружку.

Блондинка помешивала какое-то варево большим половником, а «хвостик» водила над огнем сковородой. Они так увлеклись процессом, что заметили меня не сразу. Скорее всего, голубоглазая увидела отражение в ноже. Тут же что-то крикнула, девушки разом обернулись и отвесили низкие поклоны.

Могли бы и подождать, раз еда на плите. Стоило «хвостик» оставить сковороду, как из нее повалил густой белый дым, послышалось шипение масла.

– Эй, подгорает! – крикнул я сугубо из благих намерений.

Но голубоглазая расценила это как замечание. Ее лицо стало еще строже. Эльфийка подхватила сковородку, вытряхнула содержимое на пол и ударила «хвостика» по рукам. Раскаленным, мать его, днищем.

Девчонка взвыла как раненая олениха, но рук не убрала. А мучительница уже занесла посуду для очередного удара.

– Хватит! – рявкнул я, хлопнув ладонями по столу. – Отставить, кому сказал! Ты – как зовут?

– Лунэль, – всхлипнув, ответила «хвостик».

– Идем за мной.

Мы вышли в холл. Девушка тихо постанывала и прижимала запястье ко рту. Я позвал Ромэля. Очевидно, он здесь за дворецкого и должен во всем разбираться. Не прошло и пары секунд, как эльф примчался со второго этажа.

– Неси мазь от ожогов или что-нибудь такое.

– Вы обожглись? – в глазах дворецкого читался неподдельный ужас.

– Не я. Она, – я кивнул на Лунэль.

– И что? – спокойно спросил Ромэль.

У меня аж брови на лоб поползли.

– В смысле «и что»?

– Она же раб, зачем тратить на нее лекарства?

Хороший вопрос. Но белобрысый хлыщ определенно не в том положении, чтобы его задавать.

– Ты с кем спорить вздумал? – наехал я на него.

– Прошу прощения, господин, – Ромэль бухнулся на колени. Хорошо хоть не стал биться лбом в пол. Впрочем, ему не помешает.

– Встал и пошел за мазью. Мои рабы должны быть самыми здоровыми и красивыми.

Парочка удалилась. Я упер кулаки в бока и покачал головой. Краем глаза заметил Триэль. Рыженькая отвлеклась от уборки и внимательно наблюдала за спором. Поняв, что ее заметили, эльфийка юркнула за балюстраду. Вскоре с лестницы донеслось привычное шорканье веника.

2

Как только я подошел к двери, охранники раздвинули створки. Как оказалось, поместье стояло на довольно высоком холме. Никакого двора не было – от ступеней сразу начиналась плантация. Поле разделял на две половинки дощатый помост, но рабы по нему не ходили. Видимо, помост только для хозяина – чтобы не замочил ножки, болезный.

Солнце близилось к зениту, набежали светло-серые тучки. Скоро пойдет дождь, вон ветер какой поднялся. Я пошевелил пальцами – в тапках будет холодновато. Придется переобуваться.

– Триэль, иди сюда! – позвал я с крыльца.

За спиной раздался топот. Девушка остановилась передо мной, привычно наклонила голову и спрятала руки.

– Будь добра – принеси из моей комнаты носки и найди сапоги.

– Носки? – удивилась рабыня.

– Колготки, – в памяти всплыло нужное слово.

– Сию минуту.

Эльфийка убежала, но вещи принес Ромэль. Я не стал интересоваться, чего это он чужие приказы исполняет. Натянул длинные ботфорты с подвернутыми голенищами и спустился к помосту. Дворецкий тихо брел позади.

– Господин, разрешите обратиться.

– Валяй, – буркнул я.

– Хочу напомнить, что среди людей доброе отношение к эльфам крайне не одобряется.

Снисхождение может стоить вам поместья и даже жизни.

Вот те новости!

– Это еще почему?

– Победа в Лесной войне досталась вашему народу очень дорогой ценой. Прошло сто лет, но память о погибших жива. Мы забрали слишком много сынов человеческих, чем и заслужили подобное обращение. Стоит хоть кому-нибудь увидеть поблажки с вашей стороны... И беды не миновать.

Вот дерьмо. А ведь я подозревал нечто подобное. Придется действовать по возможности тайно, иначе домой не вернуться.

Я остановился около куста слюли и посмотрел на полосатую ягоду. А может и не ягоду. Как бы так попробовать ее и при этом не спалиться. А то вон сколько эльфов рядом ошиваются, еще наядбедничают какому-нибудь соседу. О, придумал!

– Мне не станет хуже от слюли?

– Нет, что вы, – ответил Ромэль. – Как раз из нее и делается лекарство.

Что называется – обосрался, но не полностью.

Я сорвал плод и поднес ко рту. Неведомая штука сильно пахла медом и мятой. Ну что же, раз пахнет хорошо – значит, съедобно. Откусил небольшой кусочек, пожевал. И тут же сожрал все целиком. Фантастика. Нечто среднее между клубникой и сливой. Рыхлая, очень сладкая мякоть, слегка терпкое мятное послевкусие. Странно, что слюля так упала в цене. Трескал бы ее днями напролет.

Сорвав еще одну слюлю, я отправился дальше. Но не прошел и пары метров, как ощутил жуткую тесноту в бриджах. Сердце бешено застучало, лицо обдавало то жаром, то холодом. Особой перчинки добавляли снующие вокруг полуголые эльфийки.

Ромэль явно заметил мое настроение. Что-то рявкнул, и в ту же секунду несколько девушек бросили тямки с ведрами и подошли к нам. Стянули набедренные повязки и оперлись руками на помост, призывно выгнув спинки. На трех спинах из пяти живого места не осталось от белых рубцов. Возможно, это и протрезвило меня.

Сердце успокоилось, стручок обмяк. Дабы не искушать судьбу, отвернулся и уставился на растущий вдали лесок. Заботливому Ромэлю сказал:

– Потом.

Девушки молча вернулись к работе. Никаких удивленных взглядов, перешептываний и пожиманий плечами. Рабы напоминали роботов – безвольные механизмы, ожившие куклы, готовые выполнить любой приказ хозяина.

Абсолютно любой.

Мы дошли до конца плантации. Между ним и лесополосой оставалось шагов двадцать необработанной земли. Из нее торчали несколько столбов: высоких и маленьких, мне до пояса. Маленькие столбы увенчивались колодками, а с больших свисали ржавые кандалы. Все, кроме одних, были пусты. А в последних покачивалась эльфийка.

Одежда на ней отсутствовала. Сколько она висит оставалось только гадать. Но кандалы так въелись в запястья, что срезали с них всю кожу. Под обветренными почерневшими кусками плоти копошились опарыши, хотя несчастная подавала признаки жизни.

Губы рабыни потрескались и кровоточили. Кожа была сухой и серой как пергамент. Из пустой левой глазницы словно кровавые слезы текла сукровица. Ребра выступали как у мумии, иссохшая грудь едва заметно колыхалась.

От увиденного весь слюевый дурман как клином вышибло. Не знаю, каким чудом я тогда не блеванул. Я прежде и мертвецов-то никогда не видел, а такой жести... Разве что в каком-нибудь садистском фильме.

– За что ее? – едва слышно протянул я.

– Вы приказали ей убить сестру. Она отказалась.

Голова взорвалась лютой болью. Будто в темя вбили раскаленный гвоздь. С глухим стоном я осел на землю, но Ромэль рывком поднял меня. В кармане дворцевого нашелся пузырек лекарства, и через пару мгновений я чувствовал себя относительно нормально. Резкая боль сменилась тошнотворным головокружением.

– Сними ее, – прохрипел я. – Она достаточно наказана.

– Господин, разрешите добить? Толку от нее уже не будет...

– Молчать! Эй вы, с мотыгами! Живо сюда!

На зов прибежало трое эльфов-мужчин. Вместе они кое-как сняли изуродованную рабыню со столба и уложили на траву.

– Неси ее в дом и лечи. Как хочешь. Если она умрет – висеть тут будешь ты.

Ромэль не стал возражать. Еще бы он посмел. Взял полуживой скелет на руки и быстрым шагом направился к поместью.

Какой ужас, думал я, бредя к лесу как во сне. Какой кошмар. Это необходимо исправить. Бляха-муха, меня точно не экономику подтягивать отравили.

Я привалился спиной к дереву и осмотрелся. Под корнями тут и там виднелись холмики. Одни свежие, другие осевшие, поросшие травой. Понятное дело – могилы. Никаких знаков и памятников, так могли хоронить только рабов. И холмиков было очень много. Я насчитал не меньше полусотни, и это только рядом. А что там дальше? Еще столько же? Или больше?

Я глубоко вздохнул и посмотрел на свои ладони. Мягкие и нежные, перечеркнутые полосками мозолей. От рукоятки пистолета или кнута. Или какого другого орудия смерти и пытки. Я смотрел на руки чудовища глазами чудовища. Я был внутри чудовища, но сам я не такой.

Это необходимо исправить.

На ватных ногах кое-как доковылял до поместья. Рыженькая уже закончила подметать лестницу, и теперь мыла плитку вокруг бассейна.

– Эй, как тебя..., – я щелкнул пальцами. – Дваэль?

– Триэль, господин.

– Ага, точно. Куда унесли ее?

Девушка сразу поняла, о ком речь.

– В лечебницу, господин. Вас проводить?

– Да.

Мы вошли в крайнюю левую дверь на первом этаже. За ней начинался унылый мрачный коридор. Никаких ковров на полу – даже настила нет, голые камни. Стены тоже ничем не облицованы, голые кирпичи торчат. Наверное, в этом крыле жили рабы.

Триэль привела меня к последней двери. Как и все здесь, она была железной, с ржавыми подтеками. Я осторожно потянул ручку, но чертова дверь скрипнула на всю плантацию. Здесь однозначно стоит сделать ремонт. Надо будет узнать, сколько всего денежек осталось на счету.

Комната представляла собой каморку со стеллажом вдоль стены и неким подобием лаборатории. На высоком столе стояли разномастные колбочки, ступки и медный перегонный куб. Внутри колб находились жидкости самых разных цветов. Напротив разместилась кровать с грязным соломенным тюфяком. На нем лежала измученная рабыня, рядом стоял эльф в белом фартуке и черных перчатках до локтей. Светлые волосы зачесаны назад и заплетены в тугую косу. На горбатом носу круглые очки в медной оправе. Строгие карие глаза неотрывно смотрят на беднягу, выступающий подбородок постоянно движется.

Доктор общается со стоящим у стола Ромэлем, но человеческому уху столь тихая речь недоступна. Дворецкий кивает и смешивает содержимое колбочек в большом стакане. Тем временем доктор берет острый скальпель и на живую срезает гнилую плоть с запястий.

Рабыня тихо стонет. Она в бреду и, скорее всего, уже ничего не чувствует. Врач орудует инструментом с фантастической ловкостью. На всю операцию уходят считанные секунды. Затем эльф пропитывает бинты резко пахнущей смесью и перевязывает раны. Остаток выливает в рот соплеменнице.

– Жить будет? – спросил я, ощущая в животе неприятный холодок.

– Два из трех, что да, – сухо ответил доктор, вытирая скальпель. – Сильное заражение крови, однако для эльфа оно не смертельно. Декокт сделает свое дело. А истощение – это дело времени и правильного питания.

– А глаз?

– Только вставной. Ну или повязка, если не хотите тратиться.

– Хочу, – устало буркнул я. – Ромэль – дуй в город и купи самый лучший протез. Заодно забеги в банк и возьми выписку со счета. Или где я там храню деньги...

Дворецкий кивнул и выскочил в коридор. Доктор многозначительно посмотрел на дверь. Ладно, не буду мешать. Прикрыл ржавую развалюху за собой, и едва не сбил с ног Триэль. Рыженькая до сих пор стояла здесь. Интересно, зачем?

– Что такое? – спросил я.

Девушку мелко трясло. Она сильно рисковала, оставив работу. А вдруг хозяин решит наказать за разгильдяйство? Наказывать он умеет, это наверняка все знают. Искренне надеюсь, что он сдох, а не переселился в чужое тело, пока свое занято.

– С-спасибо, господин.

Я приподнял брови.

– За то, что пощадили мою сестру.

Словами не передать, как мне было тошно в тот момент. Хотелось закричать, заплакать, упасть на колени и просить прощения, а потом бежать без оглядки прочь из этого ада. Но я не мог себе позволить слабость. Как бы жутко это не звучало, но теперь я последняя надежда для ушастых рабов.

– Такого больше не будет, Триэль, – вздохнув, ответил я и пошел в холл, чувствуя спиной удивленный взгляд.

Рыженькая не понимала, что происходит. А я не спешил объяснять. Хотя так и подмывало собрать всех и заорать: свобода, равенство, братство! Долой рабовладельческий строй! Вива ла революсьйон! Но нельзя. Пока нельзя.

Надо выпить, иначе башкой тронусь. Добрался до трапезной, развалился на диване и позвал девчонку с кухни. Пришла брюнетка с перевязанными руками. Как там ее – Лунэль, точно!

– Чего изволите, хозяин?

– Выпить.

– Есть забродившее молоко, пайва и самогон.

Молоко я недолюбиваю в любом виде, самогон на дух не переношу. Пришлось пробовать пайву. На вкус этот кремовый пенистый напиток напоминал смесь крепленого пива и шампанского. Сперва непривычно, но после третьего глотка вполне себе неплохо идет. А главное – сразу же дает по шарам.

– Как руки? – спросил я, когда Лунэль собралась уходить.

– Хорошо, спасибо.

– Выпьешь со мной?

– Прошу прощения, очень много дел на кухне, – виновато пробурчала девушка, втянув голову в плечи.

– Ясно. Сделай доброе дело – позови Триэль. Если и у нее много дел – скажи, что все они отменяются.

Не успел я поднести бокал ко рту, как в трапезную заявила рыженькая. Я похлопал по дивану ладонью. Эльфийка правильно расценила жест и уселась рядом со мной, сложив руки на коленях.

– Выпьешь?

– Если вы разрешите...

– Разрешаю.

Я отдал ей бокал, а сам отхлебнул прямо из графина. Алкоголь медленно, но верно развязывал мне язык, но останавливаться не было никакого желания.

– Каково это – спать с человеком, доведшим до такого родную сестру?

– У нас нет выбора, – мрачно произнесла Триэль.

– Разве? А я где-то слышал, что выбор есть всегда.

– Если мы не будем подчиняться, солдаты убьют наших родителей. В рабство не берут сирот.

Я кивнул и поджал губы. В голове гудело, в глазах двоилось. Вот он – рецепт идеального послушания. Возьми заложников. Меня занесло бог знает куда, но здесь работают те же принципы.

– А я бы вот... на твоём месте... взял бы нож и..., – я сделал жест, будто насаживал на перо гнилого жирного рабовладельца.

– Это ничего не решит, хозяин. Один умрет, тысячи останутся.

Интересно, каково говорить по душам с пьяным садюгой? Что Триэль чувствует сейчас? Осталась ли в её душе ненависть, или же она со всем смирилась?

– Но мы верим, что однажды все изменится. Пройдут года, а быть может и века, но эльфы будут свободны. И жить в мире с людьми, как раньше. С утра мне кажется, что изменения уже начались. Ох, простите, я напилась и стала нести всякую ерунду.

– Это нормально. Если держать все в себе, можно сойти с ума.

Триэль замолчала, нянча в ладонях бокал. Эх, как же не хватает огонька в камине. Ладно, обойдусь как-нибудь. К тому же жарко еще.

– Не приходи сегодня на ночь, – буркнул я, допив пайву.

– Я... вас не устраиваю? – голос девушки дрогнул.

– Устраиваешь. Просто хочется побыть одному какое-то время.

– Понимаю. Но если что – только позовите.

– Хорошо. Не бери в голову, лады? Ты хорошая девушка и нравишься мне. Просто старый хозяин подышает и медленно едет крышей.

– С чего вы решили, что я хорошая? – Триэль невесело усмехнулась и тут же хлопнула по губам ладошкой. – Простите.

– Не знаю. Кажется так. А что, я неправ?

– В рабство отдают только худших детей. Я самая низкорослая в семье, совершенно не умею петь и у меня курносый нос – как у человека.

Я улыбнулся.

– Мне нравятся курносые. Это мило. А судить по внешности – большая глупость. Так, доведи-ка меня до комнаты, что-то ноги не слушаются...

Я завалился на кровать в одежде и проспал как убитый до рассвета. Утром меня разбудил охранник и сообщил:

– Хозяин, к вам с визитом господин Калас.

– Кто? – я решил прикинуться глухим спросонья.

– Ваш сосед. Велел передать, что желает сыграть в «самого крепкого эльфа».

3

Переодеваться не стал, так и спустился в мятом камзоле. А что? Я больной – мне можно. На ходу велел вынести на улицу пару стульев, столик и приготовить чаю.

Выхожу на крыльцо – рядом стоит открытый паланкин, его держат десять обнаженных эльфиек. Все в ржавых ошейниках и скованы между собой цепями. Тощие и грязные, с выпирающими ребрами. Выглядят немногим лучше снятой со столба рабыни.

В паланкине, закинув ногу на ногу, восседает пожилой мужчина. Седые волосы коротко подстрижены, борода клинышком. На маленьком сморщенном лице огромный нос-картошка.

Мужчина одет во все белое: пиджак, брюки с клешем, рубаха и жилетка. Только сапоги с загнутыми носками коричневые. На макушке широкополая шляпа с пером – почти такая же, как у меня в комод.

Старик докурил сигару, бросил окурочок на голову своей рабыне и велел опустить паланкин. Голос у гостя был скрипучий и тявкающий, неприятный. Едва носилки коснулись земли, Калас как пружина прыгнул мне навстречу и заключил в объятия.

– Джен, соседушка! Как-то ты паршиво выглядишь!

Джен? Что за дурацкое имя? Впрочем, под стать такому мудаку, как хозяин.

– Приболел, – буркнул я, освобождаясь от цепких ручонок.

– Я знаю, что тебя взбодрит. Наша любимая игра! Я привел самую крепкую рабыню, а кого поставишь ты?

Девушки с кухни принесли мебель. Я сел в глубокое плетеное кресло и жестом пригласил гостя к столу. Калас уселся, опять закинул ногу на ногу и закурил.

– Напомни правила, – проворчал я, то и дело потирая затылок.

– Ох, бедняга, как же тебя подкосило-то, – Калас покачал головой, но в голосе я не услышал ни единой нотки сострадания. Скорее он злорадствовал, пес поганый. – Все очень просто. Мы всыпем рабам по сто плетей. Чей раб выживет – тот и победил.

– А если оба выживут? – с плохо скрываемым раздражением спросил я.

– Тогда второй круг – еще по сто плетей! Помнишь как мы играли дни и ночи напролет? Обычно ты вел у меня со счетом 5:4.

Млять, ну почему этот ад творил другой, а стыдно и тошно мне?

– Извини, но я слишком устал. Как-нибудь в другой раз.

– Жаль, – Калас вздохнул. – Но ты можешь приказать сечь своему рабу!

Я усмехнулся.

– И какой тогда интерес? Если бы мне было достаточно видеть, как кто-то лупит ушастого – я бы ездил к тебе в гости, а своих не заводил.

Старик расплылся в ехидной улыбке и протянул мне сухую ладошку с пожелтевшими пальцами. Пришлось ответить рукопожатием.

– Как дела на плантации? – сменил тему гость.

– Так себе. Спрос на слюлю с каждым годом падает.

– А я тебя предупреждал! А знаешь, почему? Потому что с каждым годом молодых эльфиечек завозят все больше, и стоят они все дешевле. А там такие девочки – о-го-го, никакая слюля не нужна! Уж поверь мне, старому кобелю.

Калас вновь рассмеялся. Господи, когда же он свалит домой... Так и подмывает надавать ему по мерзкой роже.

– И что планируешь сажать?

– Еще не решил. Что посоветуешь?

– Советую тебе бросить чертово поле и построить загон. Вложить деньги в покупку рабов и устроить приют эльфийских развлечений. Бои рабов, экзотические танцы, шлюхи, истязания

и пытки – вот что приносит реальный доход. Поэтому-то твоя слюля загибается, а мой загон процветает.

Я хмыкнул.

– Подумаю на досуге.

– Давай, дружок, действуй! Времена меняются, кто знает, как все обернется. Представляешь, в Герадии собираются отменить рабство. Дикари! Хорошо хоть наш король из ума еще не выжил.

Калас позвал рабыню по имени Ашэль. Подошла тощая и серая, как живая мумия, девушка с растрепанными грязными волосами. Ее остекленевший взгляд смотрел под ноги и не выражал ровным счетом ничего. Взгляд мертвеца и то более осмысленный.

Ашэль протянула ладонь. Калас затушил об нее недокуренную сигару и достал из-за голенища металлический прут. Тонкий как спица, длиной в локоть, с резной деревянной рукояткой.

– Вот, оцени. Прикупил недавно у одного палача. Мужик вышел на пенсию и уволок с собой целый чемодан интереснейших игрушек.

Прут кратко свистнул, на спине эльфийки остался ровный порез, словно ножом полоснули. Полилась кровь, но девушка не вскрикнула, не изменилась в лице – лишь дернулась при ударе.

– Вот мразь, – зашипел старик. – Стоит себе как бревно. А какой интерес лупить бревно, а? Собака ушастая!

Сосед вскочил, повалил девчонку на четвереньки и принялся полосовать изо всех сил. И откуда у старой развалины столько прыти? Первые несколько ударов рабыня стойчески терпела, потом упала на землю и стала извиваться как придавленный уж. Глухие вопли эхом разносились по плантации, но соплеменники даже не оборачивались.

– Я тебе покажу, как бревном прикидываться! А ну кричи! А ну шевелись! Сука немытая!

– Хватит! – рявкнул я.

Калас замер с занесенным прутом и недоуменно посмотрел на меня.

– Ты тут все кровью вымажешь! Погляди, вся рубаха в каплях!

Старик виновато улыбнулся и сел в кресло. Окровавленная спица упала на стол.

– Извини. Забыл, что не у себя дома. Ашэль – место!

Девушка кое-как поднялась и поковыляла к паланкину. Кажется, хозяин не самое большое чудовище в этом мире. Бывают и похуже.

На крыльцо вышла Триэль с подносом в руках. Поставила серебряное блюдо на стол, расставила чашки. Я не отводил глаз от курносой веснушчатой мордашки, и Триэль, скорее всего, почувствовала его. Обернулась, посмотрела на меня и едва заметно улыбнулась. Полноценной улыбкой это, конечно, не назовешь. Так, уголки губ слегка приподнялись, но на душе сразу стало теплее.

То самое приятное чувство, когда понимаешь, что не один. Когда в совершенно незнакомом городе вдруг встречаешь старого приятеля. Когда в чужой компании находишь единомышленника. И словно камень с плеч.

Я улыбнулся в ответ. И в тот же миг свистнул прут. Щеку Триэль пересекла алая полоса. Девушка вскрикнула и выронила чашку. Прижала ладонь к ране, между пальцев полилась кровь.

– Джен! – возмутился Калас. – Ты что, перестал воспитывать этих ублюдков? Ты погляди – она улыбнулась! Вздумала смеяться над на...

Договорить старик не успел. Я навалился на него, придавил тщедушное тельце к земле и стал охаживать кулаками. Перед глазами стоял кровавый туман. Несколько раз я попадал по столу, сдирая кожу с костяшек, молотил по земле, но не останавливался. Я бил и бил, наплевав на точность. Угодил в рожу? Хорошо. Промазал? Ну так сейчас наверстаем!

Калас размахивал руками, тщетно пытаясь защититься, и визжал как кот в марте. Я вцепился ему в горло, обезумев от ярости и мерзких воплей, но садисту раз за разом удавалось освободиться.

К сожалению, жирное больное тело подвело. Я быстро выдохся, и ненависть уже не могла дать достаточно сил. Каласу удалось оттолкнуть меня и выскользнуть из хватки. Лицо старика было все залито кровью. Губы расквашены, нос набок, левый глаз успел заплыть.

– Дуэль! – завопил соседущка, выплюнув осколок зуба. – Это дуэль! Завтра на рассвете у старой мельницы! Только попробуй не явиться!

Я вздохнул и посмотрел на ладони. Эти ладони никогда в жизни, кроме вчерашнего дня, не держали боевого оружия. Почувствовал ли я тогда страх? Нет. Сожаление? Ни капельки. Хотелось ли мне вернуться на десять минут в прошлое и все исправить?

Не-а.

Я бы все равно поступил точно так же.

В сознание меня вернул окрик Ромэля. Дворецкий словно возник из ниоткуда. Просто появился рядом, в длинном кожаном плаще и сумкой на плече. В глазах слуги читался неподдельный ужас.

– Господин! Что произошло?

– Неважно. Отведи Триэль к доктору. Пусть сделает все возможное, но шрамов быть не должно. После – в мою комнату. Выполняй.

Я развернулся, чтобы уйти, но краем глаза заметил нечто необычное. Рабы на плантации отвлеклись от привычных дел и стояли как жерди по колена в воде. И неотрывно смотрели на меня. Лица эльфов не выражали никаких эмоций, но по глазам становилось понятно – они напуганы.

Напуганы до смерти.

Вернувшись в спальню, первым делом достал из комода пистолет. Проверил на всякий случай, не заряжен ли он. Потом покрутил на пальце как заправский ковбой. Интересно, как у них тут дуэли проходят? Как в царской России или как на Диком западе? Или как-нибудь еще? Оставалось надеяться, что Ромэль соображает в этом деле.

Дворецкий пришел минут через пять. Бледный, словно простыня.

– Господин, – начал он дрогнувшим голосом. – Возможно, вы забыли, но по закону...

Я вскинул брови.

– Все рабы погибшего на дуэли достаются победителю. А господин Калас... Вы, я думаю, уже поняли, что он из себя представляет.

– А можно отказаться?

– Можно. Но отказ от дуэли равносителен проигрышу. У вас отберут не только рабов, но и титул. А вместе с ним землю.

– Значит, мы обязаны победить. Ты же эльф, должен мастерски владеть всякими стреляющими штуками. Вот и понатаскаешь меня.

– В каком смысле? – настал черед Ромэля удивляться. – Вы же отличный стрелок. Каждую неделю тренируетесь на движущихся мишенях.

Я не стал уточнять, кто выступает в роли движущихся мишеней. И так ясно. Решил опять сослаться на провалы в памяти и прогрессирующую болезнь.

– Снарядить паланкин?

– На хрен паланкин, чай не безногий, – буркнул я.

Сунул подмышку коробку с пистолетом и велел дворецкому идти вперед.

Как оказалось, особняк очень длинный и занимает почти всю вершину холма. Сразу за ним начиналась необжитая низина с густой, похожей на крапиву травой. А вот на следующем холме уже стояло чье-то поместье.

Местность тут вообще была холмистая и напоминала Новую Зеландию. На горизонте пояс белоснежных горных вершин. У подножья высокие и крутые, как древние курганы, холмы. Потом уже рельеф сглаживался, но ровных плоских мест я так и не увидел.

Вся эта красота поросла ковром зеленых трав. Кое-где виднелись пролески и кустарники, особенно там, где не селились люди. Особого колорита добавляли пасмурная погода и накрапывающий дождик. Обожаю такие погоду и природу. Все мечтаю вырваться из душного города, но в моей обычной жизни, скорее всего, мечта не осуществима.

Здесь же полноценно наслаждаться пейзажами я не мог. Не по душе мне концлагеря, ну никак не по душе. А все эти плантации иначе и не назовешь.

– Господин, выписка, – Ромэль достал из сумки бумажку и протянул мне.

Развернул, просмотрел. На счету пять с половиной тысяч золотых. Интересно, это много или мало? Хрен знает, что тут можно купить за одну монетку. Кстати, на документе я наконец-то прочитал свою фамилию – Авелин.

– А глаз?

– Купил самый лучший, какой нашел. Вот чек.

Десять золотых за протез из натурального высокогорного хрусталя ручной работы? Хм, выходит, денег у меня более чем достаточно. Стоит потратить их с пользой, пока не загнул.

Дальше шли молча. Спустились в низину, добрались до больших тюков соломы, выстроенных в ряд. На каждом красной краской были нарисованы круги разных размеров. Большие внизу, маленькие на уровне моей головы.

Я вручил коробку дворецкому, хлопнул по тюку и сказал:

– Представь, что это Калас. Начинай дуэль.

Ромэль достал пистолет и отмерил двадцать шагов от цели. По идее, противник тоже будет двигаться, поэтому надо будет пройти вдвое меньшее расстояние.

Эльф по-военному развернулся на каблуке, спрятал левую руку за спиной, а правую согнул в локте. Пистолет теперь целился в облака.

– Секундант дает команду: к барьеру, – произнес слуга.

– А стреляют сразу оба или по очереди?

– Сразу оба.

– Ага. Ну, тебе повезло – тук вряд ли ответит, – попытался пошутить я.

До поединка оставались почти сутки, но стремно было уже сейчас. Знаете, я несколько раз ходил на «стрелки» и «пошли выйдем», но тогда все заканчивалось банальным мордобоем. А тут пистолеты, бляха-муха. Даже если ранят – мало не покажется. А ведь и убить могут. Кто знает, насколько хорошо стреляет Калас.

Я мог бы спросить у Ромэля, он-то наверняка в курсе. Но не стал, чтобы не пугаться еще больше. Меньше знаешь – крепче спишь. Да и пистолет держишь тоже.

Дворецкий опустил руку, прицелился и спустил крючок. Из ствола вырвалось облачко синеватого дыма и медленно опустилось на траву. Выстрел был едва слышным – не громче хлопнушки. В самом маленьком кружке появилась дырочка. Пуля смяла и обуглила края соломы, так что отверстие отлично просматривалось и с двадцати шагов.

– В яблочко, – похвалил я. – Ну-ка, дай сюда.

Я перезарядил пистолет и встал рядом с Ромэлем. Прицелился, выстрелил. Руку слабо дернуло – отдача вообще никакая, но чертово облачко закрывало обзор. Пришлось обходить. Так, куда там я попал? В большом круге ничего. В среднем тоже. В малом только след Ромэля. А где же мой? Ох ты ж блин, в соседнем тюку. Да уж, снайпер я тот еще.

Я потратил все патроны из коробки, и лишь последним попал в свою солому.

– Есть еще?

Дворецкий кивнул:

– В погребке целый бочонок.

– Отлично. Неси все сюда. И передай, чтобы притащили жратвы и попить. Я тут надолго.

Я взобрался на тюк и повертел пистолет в руках. Охренеть, блин. Второй день в новом мире – и уже успел вляпаться в дуэль. Таким макаром я тут долго не проживу. Впрочем, я и так не жилец, так что терять особо нечего. Буду считать это увлекательным аттракционом с полным погружением. Где еще, черт возьми, мне выпадет возможность стреляться с недругом? Ну, метро и травматы не в счет, вы же понимаете.

Ромэль вернулся вместе с Триэль. Девушка принесла пахнущую сдобой корзинку и кувшин воды.

– Как щека? – спросил я, слезши с тюка.

– Спасибо, хозяин, почти не болит. Могу я идти?

– Нет, не можешь. Останешься и будешь подавать мне патроны. А ты иди, дальше сам справлюсь.

Ромэль кивнул и зашагал прочь, сметая лапами плаща утреннюю росу.

Я подошел к Триэль и бережно приподнял ее подбородок. Эльфийка не двигалась, но старательно отводила глаза. На пораненной щеке висела широкая рыжая прядь. Свободной рукой я заправил ее за длинное ухо. Случайно коснулся пальцем кончика, заставив рабыню ойкнуть и слегка покраснеть.

Добрый доктор смазал кожу какой-то фиолетовой мазью. Наверное, вытяжкой из слюли. Хотелось верить, что он все сделал правильно и шрама не останется. Такое милое личико он совсем не украсит.

– Ничего, до свадьбы заживет, – с улыбкой ляпнул я и тут же прикусил язык.

Действительно, какая у рабыни может быть свадьба. Ушастые в этом мире бесправнее скота. Коров (или кто тут вместо них) по крайней мере разводят, а эльфов тупо сжигают со свету. Фашисты хреновы.

– Хозяин, я могу обратиться?

– Когда захочешь. Можешь уже не задавать этот глупый вопрос.

Триэль потупила взор. Тонкие пальчики с маленькими перламутровыми ноготками вцепились в ручку корзины.

– Ну?

– Вам не стоило вступаться за меня.

– Стоило. Калас – паршивый урод. Распустил руки в чужом доме.

– Я считаю, что царапина на щеке вовсе не повод для дуэли. Ведь господин Калас не убил меня и не искалечил. Я могу продолжать полноценно трудиться.

Я невесело усмехнулся и провел рукой по своим волосам. Если вспомнить нашу историю, то рабы считались не более чем имуществом. И за его порчу полагалась компенсация. Здесь все то же самое. Если раб жив и может работать, то и претензии предъявлять бессмысленно.

– Дело не в этом.

– А в чем?

– Неважно. Что в корзине?

– Ох, сейчас...

Триэль расстелила на земле покрывало и выложила на него сверток с какой-то сдобой. Румяные пирожки с заплетенными в косички краями.

– Ваши любимые булочки с творогом и медом.

Я похлопал себя по пузу. Неудивительно, что любимые.

Эльфийка спрятала промасленную бумагу в корзину и отошла. Руки за спиной, глаза в пол, стоит не дышит.

– Садись рядом.

Триэль послушно опустилась на колени и села на пятки. Я протянул ей булку, взял и себе. Откусил небольшой кусочек и отложил в сторонку.

– Невкусно? – с испугом произнесла рабыня.

– Вкусно. Очень. Просто не могу есть. Завтра мне предстоит убить человека. Или погибнуть самому.

Девушка решила не развивать эту тему. Принялась с жадностью поглощать булочку. От сдобы не осталось и следа за считанные секунды. Несмотря на явный голод, Триэль не позволила себе просить еще или жалостливо пялиться на покрывало.

– Ешь сколько захочешь, – сказал я, засовывая патрон в казенник. – Чем вас обычно кормят?

– Эльфийским супом.

– И какой рецепт?

– Шелуха саро, шкурки овощей, свежая трава.

Я матюгнулся и сплюнул под ноги. Злость закипела внутри, решил спустить пар на тюках. С первого же выстрела угодил в центр самого большого круга. Так вот в чем секрет! Надо просто напрячь все мышцы и застыть. С такого расстояния отдача практически не влияет на точность. Главное, чтобы пистолет не ходил в руке при спуске. Крючок идет довольно туго и шатает оружие посильней отдачи.

Ну держись, Калас.

Я упражнялся до вечера. Солнце почти скрылось за горизонтом, когда Триэль сообщила, что бочонок пуст. Я разрядил пистолет и спрятал последний снаряд в карман. На рассвете пригодится.

– Я буду молиться за вас всю ночь, – сказала Триэль, когда мы подходили к поместью.

– Лучше выпишь, – хмыкнул я. – Просыпаешься и – бум! – твоего хозяина-живодера замочили.

– Зачем вас мочить? Вы же не белье, – на полном серьезе ответила эльфийка.

Я рассмеялся.

– Это такое новомодное словечко. Означает убийство.

– Я... не хочу, чтобы вас мочили.

– Почему не хочешь? Уверен, все на плантации желают мне смерти. Не будь ваши родители в заложниках... Я бы и секунды не прожил.

– Уверена, раньше так и было, – тихо произнесла рабыня. – Но со вчерашнего дня вы сам не свой. Вас словно... подменили. Да и к тому же, Калас – тот еще зверь. Не проиграйте ему, пожалуйста...

Триэль так на меня посмотрела, что я понял – не проиграю. А если и погибну, то вернусь с того света и напугаю ублюдка до смерти. Этот взгляд, эти карие глаза... Черт, да я готов горы свернуть ради них!

С наступлением темноты браваду как ветром сдуло. Ей на смену пришел дикий тягучий ужас. Так, наверное, чувствуют себя приговоренные перед казнью. Живот крутит, в грудь будто сосульку вогнали, руки потеют, ноги ватные.

Жесть! Я нарезал круги по комнате, нянча в ладонях пистолет. О сне и речи быть не могло. А вы бы спали перед дуэлью? Сомневаюсь.

Перед домом зажглись огни, рабы вернулись с плантации. Едва живые, заморенные, грязные по пояс. Около получаса с первого этажа доносились звон посуды и перешептывания. Потом все стихло, огни затушили. Теперь в окно светила лишь луна.

Эх, жаль астрономии не знаю, а то бы определил, куда попал. Привычных созвездий вроде Большой медведицы на небосводе не видать. Да и луна явно не наша – слишком боль-

шая и серая. Хотя какая разница. Ну узнаю я, что оказался в какой-нибудь Альфе Центавра, и фигли толку?

Меня сюда не на космическом корабле привезли, а забросили некой магией. И только ей вернут обратно, когда я исправлю ЭТО. Намекнули б, что за это... Дерьмо!

Так я прослонялся до рассвета, думая о горькой жизни и прочей ерунде. Несмотря на бессонную ночь, чувствовал себя бодро. Еще бы – с такой дозой адреналина в крови.

За мной зашли Ромэль и доктор. Он представился Тарсиэлем, но мне было плевать, как его зовут. Даже если он суперврач и умеет поднимать мертвых, мне это не поможет. Я потеряю всех рабов, Триэль и цель существования. И, вполне вероятно, Землю. О боже, как же я соскучился по милой и уютной каморке в коммуналке. Сейчас засранный тараканами закуток для меня куда предпочтительнее дворца.

Ну да ладно, в прошлое, увы, не прыгнешь. Я отдал коробку со стволом Ромэлю – пусть будет секундантом. И вышел в коридор. Рядом с дверью подметала пол рыженькая красавица. И дураку понятно, что она здесь не просто так. Я велел спутникам ждать у входа и заодно найти мне плащ – утром в низине холодновато.

– Надеюсь, Владыка леса услышал меня, – прошептала рабыня.

– Забавно, – я устало улыбнулся. – Ты молишься за человека тому, кто наверняка спит и видит, как сдирает с него шкуру живьем.

– Владыка всегда смотрит в душу, – эльфийка хотела коснуться моей груди, но в последний момент отдернула руку.

– Я постараюсь вернуться живым. Но обещать ничего не буду.

Уголки губ рабыни приподнялись, но тут же опустились. Она глубоко вздохнула и собралась вернуться к уборке, но что-то мешало ей. Триэль не хотела сходить с места, пока я не уйду. Я решил не беречь ей душу и молча спустился вниз. Накинул длиннополый коричневый плащ и шагнул в объятия тумана.

До мельницы путь выдался неблизкий. Пока дошли, окончательно рассвело, а белое марево опустилось на траву. Теперь я будто плыл по колена в сметане. Мельница представляла собой высоченную деревянную башню, увенчанную колесом с лопастями. На привычные мне ветряки она походила очень слабо. Вокруг «ствола» вилась хлипкая винтовая лестница, на вершине приспособили ржавую лебедку. Видимо, муку мололи прямо наверху, а потом спускали мешки на землю.

– Как самочувствие, господин? – поинтересовался Тарсиэль.

– До дуэли доживу, а там видно будет, – огрызнулся я.

– Не стоит нервничать, вам не пойдет это на пользу. Примете успокоительное?

– Обойдусь.

Огромные крылья тихо поскрипывали на слабом ветру. У подножья уже ждал Калас с двумя незнакомыми людьми. Наверное, секундант и врач. Один высокий и сутулый, второй низкорослый и плотный. Оба в застегнутых черных плащах и шляпах-котелках. У первого бакенбарды с проседью, у товарища пышные усы пшеничного цвета. Лица угрюмые, носатые, ничего не выражающие. Но в тот момент меня больше волновало лицо противника.

При виде разукрашенной рожи старика я немного успокоился. Один глаз живодеpa запыл, другой был близко к этому. Соседушке придется приложить немало усилий для прицеливания.

– Попрошу внести в протокол! – не сказал, а прокаркал Калас. – Господин Авелин привел в качестве секунданта эльфа!

Последнее слово прозвучало так, будто позади меня высилась куча дерьма, а не дворецкий. Карлик с бакенбардами достал из-за пазухи бумагу и карандаш. Что-то записал и кивнул – мол, мы готовы продолжать.

– Тайр Джен Авелин, – зычно произнес сутулый усач. – Желаете ли вы принести извинения и разойтись миром?

Что за тайр, интересно? Местный титул вроде барона или графа? Надо будет все же почтить здешние книжки. Если, конечно, доживу...

– Нет, не желаю, – сухо бросил я.

Новая запись в протоколе. Ох уж и бюрократы клятые, шагу без бумажек ступить не могут.

– Тайр Глам Калас – желаете ли вы простить господина Авелина и отменить дуэль?

– Не желаю! – скрипнул старик.

– Тогда попрошу к барьеру!

Мы взяли пистолеты и встали спинами друг к другу. Отсчитали положенные десять шагов от центра, развернулись и подняли оружие.

Сердце бешено колотилось, в висках стучало. Каким чудом у меня не подкосились ноги одному богу ведомо. Во рту пересохло, в животе плавал жирный ледяной слизняк. Но правая рука не дрожала. За мою планету, за коммуналочку, за Триэль. Я не облажаюсь.

– Целься! – рыкнул сутулый.

Калас направил на меня ствол. Я разогнул руку и навел оружие на грудь старика. В голову с такого расстояния промажу запросто, а вот в корпус вполне себе попаду.

Начались томительные секунды ожидания, показавшиеся мне часами. Казалось, секундант специально тратит время, чтобы вывести меня из себя. Напугать, заставить вздрогнуть в ответственный момент. Не дождетесь, псы. Не на того напали.

– Пли!

4

Выстрелы хлопнули почти одновременно. Пятачок за мельницей заволокло синим дымом. Я не видел, как дела у соперника, но сам не чувствовал боли. Калас промахнулся. А что если я тоже промазал? Будет ли второй заход? Хреново не знать правила.

Налетел ветер и сдул облачка. Старик лежал на траве и тяжело дышал. На левом плече расплзалась алая клякса. Я отлично ее видел на фоне белого пиджака.

Усатый доктор уже приступил к перевязке. Рана вряд ли была серьезной, но пришлось сделать скидку на возраст. Пока врач бинтовал плечо, секундانت дописывал протокол.

– Тайр Калас, желаете ли вы продолжить дуэль?

– Н-нет, – прохрипел живодер.

– Тайр Авелин, желаете ли вы пойти на мировую?

Я посмотрел на Ромэля. Тот кивнул.

– Желая. Приношу извинения господину Каласу за несдержанность.

– П-принимаю...

– Отлично. Подпишите документы.

Я накарябал в строчке какую-то ерунду. Всплывшее в очередной раз воспоминание подсказало, что я недалеко от истины. Оставалось надеяться, что эти ребята не будут проводить экспертизу и сверять почерки.

– И кому достанутся эльфы? – спросил я.

– Никому, – спокойно ответил дворецкий. – Вы разошлись миром.

Я лишь качнул головой. В тот момент мне было насрать на рабов вот прямо с этой мельницы. Я жив, никого не убил и возвращаюсь в поместье победителем. Если бы не страх, до сих пор леденящий душу, я бы, пожалуй, бегал и прыгал от радости.

Добравшись до холла, стащил промокший насквозь плащ. Ощущение было как после купания в одежде. Все мокрое и вонючее от пота.

Позабыв о смущении, разделся до кальсон, а одежду запульнул в угол.

– Триэль! Иди сюда!

Рыжая рабыня в ту же секунду выскочила из столовой. Ее руки были по локоть в муке – наверное, готовила мои любимые булочки. Или поминальный каравай. Глаза девушки блеснули, она дернулась, чтобы побежать ко мне навстречу, но вовремя остановилась. Эльфийка ничего не сказала, но по лицу я и так все понял. Она рада, что я вернулся.

– Мне нужна горячая вода.

– Сию минуту, – рабыня смахнула прядь со лба. – Надо растопить баню и подготовить купель.

– Отлично. Пусть кто-нибудь займется. И одежду постирает.

– Я могу...

– Не можешь, – с притворной строгостью оборвал я. – Раздай указания и возвращайся. По дорожке захвати халат и мыло.

Триэль кивнула и убежала в крыло, где жили рабы.

Минутой дело не ограничилось, да я и не спешил никуда. Баня представляла собой обложенную камнями комнатку с двумя рядами лежанок вдоль стен. Напротив печки стояла большая бронзовая ванна. Печная труба петляла под ней медным змеевиком, нагревая воду горячим дымом.

Я стянул кальсоны, покачал головой и выбросил в окно. Предыдущий владелец тела был той еще свиньей. Триэль пока не вернулась, и я решил осмотреть предбанник и саму парилку. На всякий случай прикрыл срам шайкой – мало ли что.

В принципе, баня как баня. Только в разы больше тех, где мне доводилось бывать. Но вот одна немаловажная деталь не давала мне покоя. Я нигде не видел веники.

Дверь тихо скрипнула. На пороге стояла Триэль в чем мать родила. Поднос с какими-то бутылочками и мохнатой мочалкой едва скрывал красивую небольшую грудь. Но от этого «едва» желание только усилилось. Срамной отросток впился в донце шайки, пришлось отодвинуть ее подальше, пока занозу не загнал.

Девушка спокойно прошла мимо и стала расставлять бутылочки рядом с ванной. Думаю, рабыня парилась с хозяином не раз и не два, поэтому ей было все равно. У меня же аж в глазах зарябило от бешеного сердцебиения.

Боги, вот это фигура – словами не передать. Какие там модели, о чем вы. Ни одна человеческая женщина не сравнится красотой с эльфийкой. Попа – орех, ноги и талию будто скульптур вылепил. Обычно мужика возбуждает определенный набор частей тела. И каждая отвечает за главную задачу рода человеческого – размножение.

Большая грудь – много будет молока (и не верьте тем, кто считает иначе). Широкие бедра и круглая задница – с тазом все в порядке, роды пройдут быстро и безболезненно. Длинные стройные ноги – женщина выдержит долгий переход и убежит с ребенком в случае опасности.

В Триэль же меня возбуждало вообще все. Нежная ложбинка между лопатками, пульсация шеи, впадинки ключиц, даже пальцы на ногах. Она ходила туда-сюда, пробовала воду, смахивала сор с лежанок, а я пожирал ее глазами.

На коже рабыни не было ни единого шрама. Предыдущий владелец ценил ее недаром. Один урод уже поплатился за то, что ударил тебя, рыжее солнышко. Больше никто на свете не обидит тебя, пока я жив. Обещаю.

– Все готово, хозяин, – сказала Триэль. – Ложитесь, а я натру вас маслами.

Блин. Ложиться на живот – неудобно. На спину – стыдно. Кое-как примостился на бок, подставив рабыне жирные волосатые плечи. Триэль плеснула воду на раскаленные камни, помещение заволкло ароматным паром. Он действовал успокаивающе, я сразу расслабился.

Стручок начал медленно опадать – хоть какое-то облегчение. Но стоило эльфийке коснуться спины и все началось по новой. Хрень! Я ведь ее хозяин. Стоит приказать – и она делает что угодно. Но... я не хотел ей приказывать. Кому угодно, но только не Триэль.

– Вы так напряжены, – не сказала, а пропела рыжая над ухом.

Меня снова бросило в жар, потом в холод. Если все продолжился в том же духе, посторонняя помощь вовсе не понадобится, все само произойдет.

– Это из-за дуэли, – соврал я.

– А мне кажется, дело в другом. Поворачивайтесь...

– Да мне и так хорошо, – я подогнул ноги и свернулся разве что не в клубок.

– Должна же я отблагодарить вас. Вы жизнью из-за меня рисковали. Или... вы не хотите меня?

Ох уж этот женский приемчик! Удар ниже пояса просто!

Я лег на спину и зажмурился. Триэль провела ладонью по моему бедру и сжала стручок в кулачке. Я принялся думать о всякой ерунде. Делил в столбик, представлял нищих стариков и милых котят, лишь бы не выстрелить в ту же минуту.

С каждым мигмом держать себя в руках становилось все труднее. Особенно, когда я ощутил ее дыхание сами знаете на чем. А, будь что будет! Такое раз в жизни случается и не факт, что повторится. Я собрался уже отдаться наслаждению целиком и полностью, как вдруг в дверь громком постучали.

Я вскочил, едва не сбив эльфийку с ног и рявкнул:

– Кого там хрен принес?!

– Господин, это Ромэль. К вам пришли люди из земельной инспекции.

– И что им надо?

– Не могу знать. Хотят немедленно поговорить с вами.

Вот дерьмо! Я накинул халат и вышел на крыльцо. Там стояли два мутных типа – на вид вылитые эсесовцы. Высоченные, в черных кожаных плащах и широкополых шляпах. Суровые морды гладко выбриты, волчьи глазки неотрывно смотрят на меня. Да уж, только повязок на плечах не хватает.

– Тайр Авелин? – сухо спросил один из гостей.

Его напарник стоит позади, спрятав руки в карманах, и постоянно оглядывается. Опасается нападения? Кто в здравом уме на такое способен? Или меня уже считают поехавшим?

– Он самый, – с вызовом ответил я. – Кто такие? По какому поводу?

Человек достал из-за пазухи бумагу с печатью на красном сургуче. Из документа стало ясно, что передо мной некто Ларн Дюваль, старший наблюдатель Земельной инспекции.

Второй хмырь в разговор не вступал и не собирался, поэтому требовать его корочки я не стал.

– До нас дошли слухи, что вы делаете большие поблажки своим рабам.

– Дошли или донесли? – хмыкнул я.

– Неважно. Для начала мы хотели бы осмотреть помещения, где живут эльфы.

– Не вопрос. Пройдемте.

Калас, собака! А кто еще? Надо было добить эту мразоту в поместье! Проиграл на дуэли и никак успокоиться не может! Гнида конченная!

Ладно. Кляуза его беспочвенна, жилищными условиями ушастых бедняг я еще не занялся. Заодно погляжу, как они живут.

Мы вошли в мрачный промозглый коридор. Я толкнул первую попавшуюся дверь и жестом пригласил войти. Млять, как же оттуда несет – хуже чем из хлева! Комната на первый взгляд типичный барак. Необтесанные кривые нары в три ряда. На одну ляжешь, а в верхнюю носом упираешься. Жесть, блин!

Никаких одеял и подушек на этих чудесных постелях. На них же лежат грязные самодельные лохани и ложки. По углам параши – кстати, свежие. Видно, что рабы по мере сил и возможностей стараются держать бараки в чистоте и уюте. Но воды и мыла на ушастых явно не тратят.

Жирная хвостатая крыса прошмыгнула через всю комнату и спряталась за ведром. В углах сплели тенета мохнатые пауки. Голые каменные стены покрывала плесень, на земляном полу не было даже соломы. Да в сраной средневековой темнице условия, наверное, лучше!

– С этим разобрались, – сказал Ларн. Его товарищ закрывал нос платком и молча кивал.

Мы вернулись на крыльцо. Я отдышался и спросил:

– Ну что, довольны?

– Почти. Позовите рабыню по имени Триэль.

Ах вы суки... Ладно, играем от этой точки.

– Триэль, ко мне! – крикнул я, будто подзывал нелюбимую хромую собаку.

Девушка тут же вышла из поместья. После бани она не оделась и ничуть не стеснялась своей наготы. Как же нужно измываться над бедолагой, чтобы полностью вытравить эльфийскую гордость. Или она так любит родителей, что готова ради них на все? Очень даже может быть.

Ларн внимательно осмотрел рабыню со всех сторон. Я ожидал ехидных ухмылок или распускания рук, но наблюдатель выглядел так, будто смотрел на дерево. Не исключено, что он сам имеет несколько наложниц.

– Хорошо. Убейте ее.

У меня едва не вырвалось: ты что, охерел? Но я вовремя сообразил, что стоит сыграть по их правилам. Я упер руки в бока и злобно зыркнул на гостя.

– С какой это стати? Это вам что, таракан – взял и убил? Да вы знаете во сколько она мне обошлась? Кто компенсирует убыток? Вы что ли?

Эсесовцы переглянулись. Ларн пожал плечами и ответил:

– Нет, не мы.

Видя их замешательство, я усилил напор:

– Я в суд подам, вы не имеет права распоряжаться моим имуществом! А дальше что? Прикажете дом спалить?!

– Успокойтесь, пожалуйста. Ладно, убивать ее не надо. Всыпьте пятьдесят плетей, и мы снимем все подозрения.

– Другой разговор! – сказал я, а сам был готов под землю провалиться. – Ромэль, неси кнут!

Триэль посмотрела на меня безучастно и вздохнула. Она понимала. Она была готова. А я нет, бляха-муха! Кто недавно обещал, что больше никто ее не обидит! И на тебе! Но если не подчиниться, проблемы будут серьезные. У меня могут отобрать плантацию и рабов в пользу какого-нибудь чокнутого живодера. Господи, за что мне все это?!

Дворецкий принес кнут, и я едва не застонал от безысходности. Из плетеного кожаного ремня торчали ржавые гвозди с остатками запекшейся крови и еще чего-то мерзкого. Скорее всего кожи, но я старался не думать об этом. Ну почему слуга не принес другой? Или в этом концлагере только такие и держат?

От кнута воняло гнилью. Я взял его за кончик и потащил за собой как дохлую змею. Триэль послушно шла рядом, наблюдатели позади. Рабы провожали нас короткими взглядами и продолжали ковыряться в земле.

– Прости, – как можно тише выдохнул я, но Триэль наверняка услышала. – У меня нет выбора...

Легкий кивок рыжей макушки. Она понимает. Она согласна.

И тут в голове всплыло одно словечко, которое я терпеть не мог дома. Коррупция! Быть может, она и тут работает? Стоит проверить.

– Начальник, давай договоримся.

– О чем? – хмыкнул Ларн.

– Плачу по золотому за каждый удар. А вы пишете в своих рапортах или протоколах, что все было на самом деле. Поймите, не хочу портить такую красоту.

– Исключено.

– Ну может какую-другую рабыню отхлестать? Да хоть вот эту, – я кивнул на тощую замухрышку с мотыгой.

Наблюдатель покачал головой.

– Нет. Нас интересует только Триэль.

– Ну а скидку сделаете? Пятьдесят золотых вам и вашему напарнику. И пять ударов...

Эсесовец расхохотался.

– Пять? Маловато.

– Ладно, десять.

– Двадцать и по сотне золотых каждому.

– А меньше никак? Ударов в смысле.

– Никак. Иначе нас самих пороть будут.

Я велел Ромэлю подготовить чеки. До лобного места мы добрались вчетвером. Я поднял колодку, эльфийка безропотно вложила руки и шею в углубления. Скрипнули петли, дерево стукнулось о дерево. Я отошел на расстояние удара и махнул кнутом. Прежде мне не доводилось орудовать подобной штукой. Первый удар пришелся на колодки и почти не задел нежную обнаженную плоть.

– Тайр Авелин, – сухо протянул наблюдатель. – Так не пойдет.

Я обреченно вздохнул и ударил со всей силы. Триэль скрипнула зубами, но не проронила ни стога. На некогда белой и чистой спинке вздулся алый рубец с окровавленными точками по бокам. Я старался бить так, чтобы гвозди не рвали плоть. Получалось плохо. Раз нормально, раз кожу пропахивало будто бороной.

Рабыня выдержала три удара, после чего стала орать как кошка, которой отрывают хвост. С каждым криком я бледнел все сильнее, а рука дрожала как у пьяницы. На пятом ударе рык перерос в отчаянный рев. На шестой ноги девушки подкосились, и она упала на колени. На восьмой обмочилась. На десятый крики почти смолкли, Триэль была на грани сознания.

Во что превратилась ее кожа... Не дай бог кому-либо увидеть подобное. На спину будто выплеснули тарелку свежего фарша. Порой мне казалось, что я вижу кости. К горлу подкатила тошнота, я отвернулся. А ведь это только половина.

– Я дам вам тысячу золотых, – взмолился я.

Наблюдатели переглянулись и кивнули.

– Лады. Еще пять ударов и достаточно.

– Да она же умрет!

– Что поделаться, – Ларн снова пожал плечами. – Или она, или мы. Лично я выбираю себя.

Продолжайте, тайр.

Удар, и тело эльфийки начинает трясти крупная дрожь. Это похоже на предсмертную агонию. Я сглатываю подступивший комок и заносу руку. Мерзкий, тошнотворный чавкающий звук и брызги крови во все стороны. Если закрыть глаза, кажется, что рядом кто-то пожирает спелый помидор. Но пахнет тут явно не томатами. Вонь железа так сильна, что желудок скручивает в бараний рог.

Хорошо, что я не ел перед баней. Иначе бы заблевал тут все. Тринадцатый удар, и несчастная обмякла. Я быстро заканчиваю дело, пока она не пришла в себя. Если, конечно, Триэль вообще придет в себя после такого.

Я отбрасываю кнут и едва не падаю на землю. Пришлось опереться на соседние колодки. Эсесовцы усмеваются и хлопают меня по плечам. Молодец мол, подтвердил свою ненависть к ушастым ублюдкам.

Вокруг все как в тумане. Не помню как добрел до поместья и подписал чеки. Гости радостно прячут бумаги за пазухи и снимают шляпы на прощанье. А я велю позвать доктора, попутно смахивая слезы. Подбородок дрожит, голос хриплый, но чуткие эльфы все слышат.

Тарсиэль выбегает из рабского крыла и поднимает меня с пола. Трясет за плечи, сует под нос какой-то пузырек. А я безвольно мотаю башкой как тряпичная кукла. Благо на выручку приходит Ромэль. Вместе с соплеменником они бегут через плантацию.

А я валяюсь на полу в позе эмбриона. В глазах стоит кровавый фарш, в ушах свист кнута и чавкающий хлюпающий звук.

Минуту спустя мимо проносят безжизненное тело Триэль. За ней остается след из густых алых капель. Доктор что-то кричит на своем языке, вокруг начинается суета. Из кухни и второго этажа сбегаются рабыни, даже охранники бросили посты.

Молодцы. Останься во мне хоть немного сил, я бы приказал им то же самое. Но сил больше нет. Я сблевываю комок желчи на плитку бассейна и отрубаясь.

Прихожу в сознание поздно ночью в своей постели. С трудом разлепляю воспаленные глаза. Рядом стоит дворецкий с подносом. На подносе знакомый пузырек и стопочка. Первый вопрос:

– Она...

– Жива, – ответил Ромэль. – Тарсиэль делает все возможное, но она слишком слаба. Жизнь буквально утекает по капле. Триэль потеряла слишком много крови.

– Я убью эту тварь. Забью тем же кнутом...

– Настоятельно не рекомендую, – словно робот чеканит слуга. – Подозрения сразу же падут на вас.

– Тогда подождем. Но клянусь богом, рано или поздно я его прикончу. Может, на дуэль опять вызвать?

– Это против кодекса. Мстить подобным образом – крайне дурной тон.

– Скажи, а здесь есть волшебство? Может целителя позвать какого-нибудь?

– Целитель затынет раны, но не восполнит потерянную кровь.

– А с переливанием вы знакомы?

– Простите?

– Переливание крови! – я ухватился за спасительную ниточку. – Ну конечно! Так, думай, думай голова! Должен совпадать резус-фактор и группа! Но как узнать, какие они у Триэль? Что вашей науке вообще известно о крови?

– Нашей в смысле эльфийской? У нас более медленный кровоток, чем у других рас. Мы гораздо устойчивее к ядам. Вроде бы все.

– Несовпадение будет расценено организмом как отравление, – размышлял вслух я, вспоминая школьную биологию, курсы первой помощи в автошколе и передачи по Дискавери. – Если попробовать взять кровь сестры, может сработать. Шприцы-то вы хоть изобрели?

Ромэль покачал головой:

– Не понимаю вас, господин.

– Так, пошли в лечебницу. Надеюсь, Тарсиэль меня поймет.

Я выбрался из-под одеяла, накинул халат и помчался вниз по ступеням. Когда я ворвался в лазарет, доктор сидел рядом с Триэль и что-то шептал, скрестив пальцы перед лицом.

– Полая игла! – крикнул я. – У вас есть полые иголки?

Врач недоуменно посмотрел на Ромэля. Тот кивнул – мол, этот парень не выжил из ума, помогай ему.

– Полые иглы есть у растения ганчи, я перетираю их в мазь для суставов... Вот, осталась парочка.

Доктор взял с полки небольшую коробочку. Внутри лежали иглы – как у кактусов, только потолще. Достаточно острые, чтобы проколоть кожу и вену.

– Шикарно. Еще нужен шланг и какой-нибудь насос или помпа.

– Есть только это, – Тарсиэль протянул мне каучуковую клизму. – Вполне сойдет за насос.

– Где сестра Триэль?

– С утра уже приступила к работе.

– Сюда ее, живо!

Пока Ромэль бегал за рабыней, мы с доктором кое-как приладили иголку к клизме. Воздух гоняла отлично, нигде не подсасывала. Если повезет, все сработает как надо. Я бросил взгляд на беднягу. Она неподвижно лежала на животе и тихо стонала. Повязки полностью пропитались кровью.

Пришла сестра и смерила меня презрительным взглядом. Особой жути придавал стеклянный глаз.

– Протяни руку.

Девушка не шелохнулась. Мне показалось – еще миг и она бросится на меня и загрызет. Но дворецкий что-то сказал на родном языке, и рабыня подчинилась. Я придавил вену пальцем и вонзил иглу, предварительно сдавив клизму. Кровь медленно потекла в каучуковый мешок. Прошло не меньше минуты, прежде чем он наполнился. Навскидку внутри было миллилитров двести, не больше. Оставалось надеяться, что этого хватит.

– Зажми вот здесь и не отпускай. Так, переверните Триэль, только осторожно.

Новый укол и бережное надавливание на клизму. Веки рыженькой дернулись, иссохшие губы чуть приоткрылись. От напряжения я даже дышать перестал. В лазарете стало так тихо, что я отчетливо слышал журчание переливаемой крови.

Наконец все закончилось. Я вручил только что изобретенный аппарат Тарсиэлю и сказал:

- Ты все видел. Если понадобится – повторишь.
- Не знаю, что это, – выдохнул эльф, – но я вижу такое впервые.
- Если вдруг кто спросит – говори, что это твоя идея. Про меня вообще не вспоминай.
- Но... откуда вы знаете подобное...
- Оттуда, – я указал пальцем на потолок, а затем приложил к губам.
- Буду молить Владыку Леса, чтобы ваша магия сработала, – продолжил доктор.
- Я тоже кому-нибудь помолюсь. А вы идите, тут и так тесно.

Рабыня бросила на меня короткий взгляд и удалилась вслед за Ромэлем. Ненависти и презрения в этом взгляде не было. Только великое неподдельное удивление.

Тарсиэль скрестил пальцы и беззвучно зашептал молитву. А может звучно – просто человеческое ухо не слышит. Не то, чтобы я особо верующий, но в тот момент раз десять прочитал «Отче наш». Наверное, это глупо, ведь этот мир сотворил не наш бог. По крайней мере, в Библии про другие планеты ничего не сказано. Но просто сидеть и ждать было невыносимо.

Наконец доктор закончил и взялся расставлять колбочки по полкам. Делал он это с той же целью – отвлечься. Ну а какой еще смысл в переносе склянок с места на место?

– Скажи, – начал я, – а то ваше верование говорит о переселении душ?

– После смерти наши души уходят через вековые стволы в землю и становятся новыми деревьями. А рождаемся мы из дыхания Владыки Леса. Но это касается только эльфов. В людской религии я, увы, не силен.

Я взял руку Триэль в ладонь и закрыл глаза. Недаром говорится: ожидание смерти хуже самой смерти. И ждать чужую смерть ничуть не легче, чем свою.

– Ваша раса верит, – донесся из-за двери хриплый женский голос, – что порой, во времена великих перемен и отчаяния, боги спускаются на землю под видом простых людей. Одни несут свет и жизнь, другие тьму и погибель. Люди говорят: на все воля божья. И я хочу спросить лишь одно. Кто ты? С чем явился в наш мир?

– Не знаю, – выдохнул я. – Не имею ни малейшего понятия.

В коридоре прозвучали удаляющиеся шаги.

Действительно, кто я? С какой миссией прибыл за тридевять земель? Ведь исправить можно все, что угодно. Например, добро на зло. Радость на печаль. Жизнь на смерть.

Кто я?

Время покажет. Лишь ему ведомы все тайны.

Тонкие пальчики колыхнулись и сжали мою ладонь.

5

После всего пережитого я проспал до обеда. Ну как – проспал. Проворочался, пропитав простыню холодным потом и сбросив одеяло на пол.

Голова дико болела. Темечко будто сверлили перфоратором. Заботливый Ромэль тут же постучался в дверь. Наверное, услышал мои глухие стоны.

Я выпил мятный сироп и откинулся на подушку. Боль постепенно отползала.

– Скажи, – прохрипел я. – Сколько мне осталось?

– В лучшем случае полгода, – спокойно ответил слуга.

Ох уж эта эльфийская честность. Млять, и как мне избавиться от рабства за столь короткий срок? Если, конечно, дело вообще идет о рабстве. Но знаете, даже если миссия иная, я бы все равно приложил все усилия для избавления ушастых от гнета. Потому что такое... это слишком.

Черт, а как на Земле с рабством справились? Я помню только курс общей истории, в подробности не вникал. В США с приходом к власти Линкольна отделились несколько южных штатов, после чего началась гражданская война. Она-то и положила конец угнетению чернокожих. Понятно, что ни о каком равноправии речи не шло, но все же... Однако война длилась несколько лет, а у меня нет такой форы.

В России раскрепощение прошло относительно бескровно. Но лишь потому, что мы были последней более-менее цивилизованной державой, отменившей рабство. Держать крепостных и дальше многими считалось полным моветоном.

Эх, ну почему мне не подбросили учебник вместо сраной записки? Кстати об учебниках...

Размышления прервал дворецкий:

– Господин, сегодня конец месяца, требуется утвердить бюджет поместья на следующий отчетный период.

– Хорошо, – я крякнул и кое-как встал с постели. – Пошли в кабинет или куда там надо...

Рабочий кабинет находился в соседней комнате. Небольшое ярко освещенное помещение, довольно уютное. У огромного окна накрытый багровым бархатом стол. За ним – глубокое кресло с резными подлокотниками. Надеюсь, оно обтянуто звериной кожей, а не эльфийской. С местных фашистов станется.

По левую руку от стола шкаф, забитый тонкими папками. На каждой написана дата – видимо, это и есть те самые бюджеты. Рядом с дверью узкая одноместная парта и простенький табурет. Как только мы вошли, Ромэль сразу же занял это место.

– Ты ведешь дела поместья? – догадался я.

– Только готовлю документы, – сказал невольник. – А вы подписываете.

Ясенько. Я подошел к шкафу и внимательно осмотрел полки. Папки, папки... Ага, вот какая-то книга. «Тайра Клаудия и шестирукый демон». Открыл посерединке, прочитал первый абзац. В нем, значит, указанная тайра занималась с демоном оральным сексом в особо жесткой форме.

Неудивительно, что хозяин был конченным мудаком. Хорошие книжки надо читать, полезные. Я выбросил томик в открытую форточку и оттряхнул руки.

– После обеда ходим в город, – сказал я. – Прикупим кой-какой литературы.

– Могу сходить сам. Только скажите, что вас интересует.

– Нет, ходим вместе. Давненько я в городе не был, хоть погляжу, что там и как.

Ромэль понимающе кивнул.

– Ну и где бюджет?

– Последняя папка.

Я взял документы и уселся за стол. В силу экономического образования в бухгалтерии я соображал, но здесь ее вели неким странным образом. Вплоть до сбора и продажи урожая строки расходов заполнялись как бог на душу положит. После получения прибыли подсчитывали сальдо. Положительное – хорошо. Отрицательное – ну и хрен с ним, сбавим десяток эльфов и покроем убытки.

Интересно, предыдущий хозяин вообще в школе учился? Или только пошлые дамские романы читал? Или здесь все так за собственным состоянием следят?

Я пробежался глазами по строкам баланса. Прихода, как вы уже поняли, надо было ждать целых три месяца. А в расходах значилось следующее:

- Питание рабов
- Питание хозяина
- Сельхоз инвентарь
- Пыточные инструменты
- Налог на землю
- Прочие налоги и сборы
- Компенсация износа
- Одежда и обувь

И другие мелкобытовые нужды. Например, дрова для бани и алкоголь.

– Ромэль...

Дворецкий вскинул голову.

– А что за пыточные инструменты? Пыточная – это те столбы за плантацией?

– Есть еще камера в подвале. Для ваших личных утех. А те столбы – для общего воспитания и поддержания дисциплины. Чтобы все видели, что бывает за неповиновение.

– А в камере что?

– Пару лет назад вы купили внушительную коллекцию из музея инквизиции. Дыба, колесо, тиски для пальцев...

– Хватит! – я хлопнул ладонью по столу. – Выстави это дерьмо на продажу... Хотя нет. Его купит какой-нибудь Калас и будет мучить рабов. Прикажи ребятам покрепче вытащить все и сжечь к едреной матери. Прямо сейчас. Приступай.

Эльф кивнул и вышел в коридор. Мне показалось, или вечно хмурый слуга улыбнулся? Впрочем, сейчас не до этого.

Я вернулся к изучению строк. Так как в новом, неприятном бюджете их еще не успели заполнить, пришлось взять документ за прошлый месяц. Да уж, интересная тенденция. Питание хозяина – сорок золотых. Питание рабов – пятнадцать серебра. Охренеть. Куча денег ушла на шмотки и алкоголь. На инвентарь – жалкие крохи. Неудивительно, что плантация скоро перестанет приносить хоть какую-нибудь прибыль.

Так, сколько там осталось на счету? Было пять пятьсот, но тысячу я отстегнул эсесовцам. Осталось четыре с половиной. Этих денег на несколько лет хватит при разумных тратах. Особенно если срезать расходы на себя любимого и пропорционально улучшить жизнь рабам.

Проект бюджета набросали карандашом. Я отыскал в столе ластик, больше похожий на кусок кирпича, часть строк стер, часть добавил. Например, появилась новая запись: жилищные условия. Я не стал пояснять, чьи именно – вдруг опять нагрянут с проверкой? На оную нужду выделил без малого сотню золотых. Сам не обеднею, а эльфы перестанут жить в свинарнике.

Расшифровал статью так: стройматериалы, канализация, постельное белье, ковры. Раскидал по пунктам выделенную сумму. Теперь можно будет сделать ремонт в невольничьем крыле. Красота.

Расходы на жратву хозяина срезал почти под ноль. Оставил только две монетки. С голоду не помру от недостатка деликатесов. Да и похудею вдобавок – двойная польза. Траты на алко-

голь тоже перекинул в питание для рабов. В итоге получилось пятьдесят золотых моим уша-стым страдальцам.

Еще столько же пошло на одежду, обувь и сельхоз инвентарь. Амортизацию недвижимо-сти закладывать не стал – дом и без того отличный и крепкий, в ремонте явно не нуждается. Вроде бы все. На первое время хватит, чтобы слишком уж не палиться. Я достал из стола чер-нильницу и обвел все пером. Чистовик готов. Сразу же бухнул подпись и отложил документ на край стола.

Пожалуй, стоит прикупить Триэль новое платье. И еще чего-нибудь. Да и остальным дев-чонкам тоже, но рыженькой – самое лучшее.

Стоило только подумать о курносой невольнице, как в кальсонах снова стало тесно. Чтобы отвлечься, подошел к окну. На обочине плантации занималась огнем груды пыточных орудий. Почти все были деревянными и старыми, так что секунды спустя пламя полыхало до небес. Увиденное так поразило рабов, что они забросили привычные дела и уставились на костер.

А потом они повернулись ко мне. Не меньше сотни истощенных, замызганных детей леса. Бедняги неотрывно сверлили меня взглядами, от которых стало не по себе. Эльфы напоми-нали оголодавших зомби, заметивших сочную живую плоть. Еще чего набросятся с криками «мозгиии!».

Так продолжалось не меньше минуты, а затем один раб – самый старей, с проседью в длинных черных волосах, поднял мотыгу и зычно крикнул:

– Тахин!

Стоящая рядом женщина подняла ведро и повторила:

– Тахин!

И мига не прошло, как уже вся плантация устремила в небеса тямки, ведра или просто кулаки. И все трижды проскандировали:

– Тахин!

А потом вернулись к уходу за слюлей, будто ничего и не было.

Я обернулся. Дворецкий успел неслышно прошмыгнуть в кабинет и просматривал под-писанный бюджет.

– Ромэль...

– Да? – в его голосе послышалось легкое ехидство.

– Что такое тахин? Надеюсь, меня не прокляли до седьмого колена?

Дворецкий позволил себе улыбку, но взгляда от документа не оторвал.

– Не что, а кто. Тахин на нашем языке значит несущий свободу. Или освободитель.

Я хмыкнул.

– Ну тогда они рано радуются.

– Они надеются. Впервые за долгие годы неволи.

Помолчал. Ненавижу чувствовать смесь распирающей гордости и ледяного ужаса. Пожа-луй, стоит взять на вооружение мудрость Пушкина, хотя она вовсе не о сложившейся ситуации. Хвалу и клевету приемли равнодушно. Тем паче, что клеветать тут умеют и любят, а похвала от жалкой сотни рабов особой картины не делает.

– Подбери мне одежду для города. Только без бридж и колготок.

– Будет исполнено. Поставить крышу на паланкин? К вечеру собирается дождь.

– А без этой хрени никак? Тут что, колесо до сих пор не изобрели?

– Боюсь, никак. Статус обязывает.

– Ладно. Возьми десять самых крепких парней, как следует накорми и дай отдохнуть перед выходом. Работай.

Ромэль кошкой прошмыгнул за дверь. Шустрый парень. Неудивительно, что батрачит в кабинете, а не в поле.

А я спустился на кухню. Сегодня дежурили незнакомые рабыни. Узнал только одноглазую сестру Триэль. Она мешала какое-то варево в здоровенном замызганном котле. Судя по запаху – эльфийский суп.

При моем появлении девчонки выстроились вдоль стены в привычной позе. Только сестра продолжила колыхать зловонную жижу половником.

– Как тебя зовут? – спросил я у одноглазой.

– Ауриэль.

– Вот что, Ауэриэль. Вылей это дерьмо в канаву и свари нормального супа. Или каши. Бери любые продукты, какие найдешь. Я эту стряпню тоже попробую, так что не вздумай жадничать и скромничать. Договорились?

– Да, хозяин, – с легкой неприязнью ответила девушка. Она явно не могла свыкнуться с новой сущностью господина и питала ко мне далеко не радужные чувства. Еще бы, за такие-то увечья...

– Как Триэль?

– Поправляется. Спасибо, хозяин. Ваша магия сотворила чудо.

– Это не магия. Впрочем, неважно. Работайте, дамы.

Эльфийки недоуменно переглянулись и приняли громыхать ящиками. Вытащили из барских закровов хорошее зерно, а не плесневелую гниль, вяленое мясо, свежие овощи. Пока Ауриэль переливала помой туда, где им самое место, застучали ножи, зашелестели сита, полилась чистая вода.

Я удовлетворенно кивнул и вышел на крыльцо. Как оказалось, для изменений к лучшему достаточно просто перестать быть мудилой. Эх, до чего правдива поговорка: хочешь изменить мир – начни с себя.

Кивнул охранникам и отправился прогуляться за поместье. Почти сразу от фундамента начинался буйно цветущий луг и спускался в низину. Вдали на соседнем холме покачивала крыльями злосчастная мельница.

Я побродил по лугу и нарвал небольшой букет полевых цветов. Не имея не малейшего представления о местных нравах и обычаях, составил икебану из всего подряд. А то мало ли – вдруг белые цветы кладутся только на могилы? А красные означают немедленный посыл к чертовой матери.

Вымазав ладони в липком соке, направился напрямик в лазарет. Тарсиэль как раз закончил менять повязки, учтиво кивнул и вышел в коридор. Я присел на табурет рядом с топчаном и спросил:

– Как себя чувствуешь?

– Неплохо. Доктор намазал спину обезболивающим. Спасибо, хозяин.

– Хватит называть меня хозяином. По крайней мере, пока мы наедине.

– А как вас называть?

– Анд... Джен. Просто Джен.

Я решил не открывать настоящее имя во избежание неприятностей. Мало ли – вдруг кто услышит, и тогда песца точно не избежать.

– Кстати, это тебе.

Букетик лег в изголовье раненой.

– Спасибо, хо... Джен. Попрошу Тарсиэля поставить их в колбу с водой.

Я вздохнул и побарабанил пальцами по коленям, собираясь с духом.

– Ты прости за... ну, сама понимаешь.

Триэль медленно кивнула.

– У вас не было выбора. Эти люди очень плохие. Еще повезло, что удалось с ними договориться.

– Это да. Ладно, отдыхай, выздоравливай. Я зайду вечером.

– Буду ждать вас, – эльфийка слабо улыбнулась.

А уж я-то как буду.

Я вернулся в холл. Рядом с гардеробом стоял Ромэль и держал на вешалке одежду. Белые зауженные брюки на манер тех, что носили земные гусары. Черный камзол с золотыми пуговицами и оторочкой. Того же цвета треуголка с пером и бежевая сорочка. Кожаные сапоги чуть ниже колена.

В холле больше никого не было, поэтому я переоделся прямо там. Пока натягивал сапоги, заметил на бедре дворецкого кобуру с пистолетом.

– Зачем оружие? В городе опасно?

– Сейчас везде опасно. Особенно *за* городом. Ганэль тоже пойдет с нами. На всякий случай.

Рослый охранник в коричневой жилетке поверх красной рубахи молча кивнул. Из-за широкополой шляпы и штанов с бахромой и клешем он сильно походил на ковбоя. Не хватало только платка на шее, лассо и шпор.

– Ваша трость, – Ромэль достал из шкафа толстую палку с отполированным золотым набалдашником. Таким можно запросто проломить череп – неплохой вариант отбиться от шпаны. Но пистолет все же надежнее.

– Найди еще какую-нибудь сумку или чемодан.

Скрипнула дверца, из пыльного нутра гардероба появился объемистый саквояж. Я кивнул и вышел на крыльцо. Десять рабов уже стояли у паланкина – по пятеро с каждой стороны. Я уселся на плетеное кресло, поправил навес, чтобы не заслонял обзор и велел трогать.

Эльфы присели и осторожно подняли ношу. Потом положили жерди на плечи и довольно споро зашагали в направлении мельницы.

Довольно прикольное ощущение от езды на таком транспорте. Словами передать сложно – нужно самим пробовать. Во-первых, почти двухметровая высота – сидишь себе и смотришь на всех сверху вниз, как царь на троне. Во-вторых, очень мягкий и плавный ход – будто летишь над землей. И совсем не укачивает.

Правда, при крутом подъеме довольно стремно. Того и глядишь кувыркнешься назад. А ремней безопасности тут, походу, еще не изобрели. Приходится вцепляться в подлокотники и надеяться, что склон скоро кончится.

При резком спуске тоже приятного мало, но все же не так страшно.

Город я увидел, как только мы зашли за мельницу. Как оказалось, он раскинулся совсем рядом от поместья – километров пять, не больше. Но во время первого визита сюда мне было не до разглядывания окрестностей.

Стены, кстати, отсутствовали. Оно и понятно – с распространением огнестрела вся средневековая муть ушла в прошлое. Ведь если есть пистолеты – наверняка имеются и пушки. А против них надежной защиты еще не изобрели.

Сам городок был небольшой, круглый и занимал всю вершину широкого холма. На окраинах в полном беспорядке торчали одноэтажные бревенчатые дома – часто с соломенными крышами. По мере приближения к центру постройки росли, каменели и покрывались красной черепицей. Дома очень походили на европейские, начала двадцатого века. Белые фасады, кирпичные дымоходы, черные и коричневые рамы.

Улицы вымостили мелкой плиткой. Лежала она криво, очень часто проседала, а на окраине и вовсе была выдрана для нужд бедняков. Но все же лучше, чем грязь под ногами.

На мое появление народ особо не реагировал. Я ожидал поклонов в пояс или хотя бы снятых шляп, но горожане сновали по своим делам, не замечая гостя. Видимо, титул тайра особых привилегий не давал. Так, крупный землевладелец. Мы же не кланяемся фермерам или бизнесменам?

Зато от лоточников не было отбоя. Каждый зазывно кричал и размахивал руками. Лавочки пристраивались прямо к стенам домов. Торговали всем подряд – едой, самодельной обувью и одеждой, какими-то травами и прочей мелочью.

Меня это не интересовало совершенно, я приехал скупиться капитально. А вот босоногий парнишка-газетчик в клетчатой кепке сразу привлек мое внимание.

Я велел подойти к нему и приспустить паланкин. Мальчонка с замызганными типографской краской руками ожесточенно размахивал газетами и горланил на всю улицу:

– Новости! Покупайте новости! Скандалы, интриги, расследования!

– Эй, парень.

Торговец смолк и уставился на меня.

– Что есть?

Парнишка оживился и достал из заплечной сумки серый сверток.

– Криминальная хроника! Вчера дард Алсий убил жену топором!

– Дальше...

– Светская хроника! Тайра Баграду лишили земель за то, что он отпустил беременную рабыню! Тайр Калас считает, что рабыня залетела от Баграды, и тот решил спрятать ублюдка!

– Кто бы сомневался в мнении достопочтенного Каласа, – хмыкнул я. – Хотя погоди. Нука, прочти следующий заголовок.

– Дуэль тайров Авелина и Каласа закончилась мировой. Почему на следующий день к Авелину нагрянули наблюдатели? Читайте мнение эксперта!

– Ладно. Что-нибудь серьезное есть?

– «Народные ведомости», – пацан начал рыться в сумке. – «Финансовый вестник» и «Политика на диване». Их никто не берет.

– А я возьму.

Газетки стоили по пять медяков каждая, но мелочи с собой не было. Дал бойкому пареньку серебряную монетку. Торговец предложил почистить ботинки на сдачу, но я отказался.

Потопали дальше, рассекая волны людского моря. Несмотря на малые размеры, городок был густо населен и в основном беднотой. Улицы шумели и чадили всевозможными ароматами, зачастую малоприятными. О санитарии тут заботились, но слабо. Слишком уж много народа ежеминутно мусорило и гадило прямо на мостовые.

Пару раз я видел вдали местных полицейских. Их трудно не узнать. В синей униформе с золотыми эполетами и черных угловатых шляпах. Слева – пистолеты в белых кобурах, справа – деревянные дубинки. На шеях поблескивали цепочки со свистками.

На моих глазах один страж порядка поймал молодого карманника и сломал ему руку об колено. Вот так вот – без суда и следствия. Рев парнишки утонул в толпе. Признаться честно – мне было его совсем не жаль. Ненавижу воров всех мастей.

А вот когда по непонятной причине сцепились две торговки – да так, что волосы полетели в стороны, полицейский просто прошел мимо. Странные тут порядки, если честно.

Насмотревшись на бабью драку, я заметил вывеску на одном из домов. «Гильдия Магов Астрада». Напротив расположилась «Книжная лавка Астрада». Видимо, так называется этот город. Вообще неплохо закупить учебников и подобной литературы – хоть узнаю, в какой стране оказался.

Но блин – Гильдия Магов! Вдруг меня научат колдовать? Это же супер-круто! Отпущу бороду, надену остроконечную шляпу и буду сражаться с силами зла. Да все земляне локти сгрызут от зависти! Особенно толчки с форума. А книги и подождать могут, никуда не денутся.

Я велел остановиться и вошел в мрачное, прокуренное ароматными палочками помещение. Я ожидал увидеть почтенных старцев в мантиях, волшебные палочки и посохи, файерболлы и разряды молний... Но гильдия больше всего походила на сраный гадальный салон.

Круглый стол посреди комнаты, на нем хрустальный шар. Вокруг сидят мадамы бальзаковского возраста в черных шалях и шляпках с вуалями. На шеях целые ворохи непонятных амулетов и талисманов. Длинные ногти выкрашены алым лаком, а макияж такой, что индейцы курят в сторонке свои трубки мира.

– Мы знали о твоём приходе, – хрипло сказала одна женщина. – Садись и внемли свою судьбу!

Меня аж затрясло от любопытства. Не, ну а если на самом деле колдуны? Когда есть огнестрел – магией особо не повоюешь. Снайпер снимет – и все, колдуй в ином мире. Но ведь другое колдовство должно остаться! Ромэль говорил, что тут есть целители. Так, надо однозначно все проверить самому.

Я сел на свободный стул. Женщины подвинулись поближе и склонились над хрустальным шаром. Я думал, что в нём, аки в Палантире, проявится будущее, но шар как был куском стекла, так и остался. Никакой реакции.

– Протяни десницу, о пришедший, – пропела волшебница.

Я протянул – с меня не убудет. Пока одна гадалка елозила по ладони пальцем, другие тщательно натирали шар. С тем же результатом.

Шарлатанки хреновы.

– Мы видим..., – нараспев затянули женщины. – Мы видим... Ты явился издалека.

– Да нет, тут километров пять всего, – хмыкнул я и тут же спохватился – а какая в этой стране система мер и весов? Вдруг никто не знает, что такое километр. Не хватало ещё навлечь на себя подозрения таинственными словечками.

– Мы видим... Мы видим... Тебе уготованы великие дела!

– Да-да, я и сам уже понял. А конкретнее можно?

– Мы видим... Мы видим...

Гадалки разом смолкли. Самая старшая – та, что поприветствовала меня, опустила руки и вздохнула.

– Забавно, но мы ничего не видим. Нить твоей судьбы не вплетена в ткань этого мира. Странно. С вас пятьдесят серебра.

– Сколько? – я аж подпрыгнул на стуле. – Но вы же ничего не сделали!

– Если б сделали, попросили бы в пять раз больше. Посеребри ручку, красавчик.

Я стащил с веревки золотой и бросил на стол. Забрал сдачу и направился к выходу, фыркающая и мысленно матеря шарлатанок. Нить... не вплетена. Да идите вы в задницу!

– Молодой человек! – окликнула гадалка. – Не стоит посылать никого туда, может аукнуться.

Я вздрогнул, прикусил язык и пулей вылетел на улицу.

6

Читать я люблю с самого раннего детства. В те беспокойные девятностые годы я не ходил в садик, а оставался с бабушкой. А она большую часть жизни проработала учительницей начальных классов. Так что читать я научился года в четыре. Начинать с детских энциклопедий, потом перешел на потрясающую фантастику Беляева. Обожаю Киплинга и Твена. В школе (помимо более обидных прозвищ) меня называли ходячим справочником.

Иначе откуда, например, я разбираюсь в устройстве пистолета, хотя в армии не служил. Ну как разбираюсь... Казенник от дула, а курок от спускового крючка по крайней мере отличаю. И знаю разницу между обоймой и магазином. Жаль лишь современную историю знаю поверхностно. Однако это всегда можно исправить.

Это необходимо исправить.

Как же достало. Я помотал головой и вошел к магазину. У прилавка стоял невысокий лысый мужчина в очках. Белая борода опускалась почти до пупа. Гном что ли? Спрашивать неудобно и подозрительно. Это как спросить у негра негр ли он.

Так что я поприветствовал бородача кивком и углубился в книжные ряды. Благо разделы были помечены табличками, и нужные полки быстро отыскивались.

Учебники для младших классов с картинками. История Асталии, география ее же. Травоведение, животноводство. Это, пожалуй, брать не будем. Взял атлас, полистал страницы. Асталия представляла собой страну на севере крупного, похожего формой на засохший огурец материка. Границы государства походили на тот блин, который комом. Растекшаяся по бумаге клякса с неровными краями.

На севере от Асталии раскинулся лес, подписанный как Эльфийский. Вот так вот просто. Слева, то бишь на западе – горная гряда с труднопроизносимым названием Гаргарбилар. На востоке никак не обозначенное морское побережье. На юге судя по всему пустыня с не менее витиеватым названием Кулхиза.

Сама Асталия разделена на семь почти равных округов. В центре, под номером один, Столичный. Остальные раскинулись подобно лепесткам и никак не подписаны. Просто второй, третий, четвертый и так далее.

Вникать в географию на ходу я не собирался. Сунул покупки подмышку и направился к прилавку. Но не дойдя хлопнул себя по лбу, вызвав приступ тупой боли. Пора заканчивать с привычкой фейспалить по каждому поводу, а то мало ли какие последствия будут.

Завернул в неприметный темный уголок и взял несколько брошюр с законодательными актами. Земельный Устав, Трудовой, Королевский и Судебный. Он же юридический. Поднимать восстание против рабства мне не по силам, да и времени нет. Придется следовать путем бескровным, авось успею что-нибудь исправить.

За книги пришлось отвалить целых два золотых, но они того стоили. Знания вообще бесценны, так что жаба меня не душила.

Покупки перекочевали в саквояж, сам я уселся в кресло и велел трогать напрямик на рынок. Выяснилось, что он находится за городской чертой, у северного выезда. Разумная мера для снижения толкотни.

Пока протискивались по узким улочкам, на глаза попала оружейная лавка. Решил зайти, поглядеть на достижения местных мастеров. Не до одних же однозарядных пистолетов они додумались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.